

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.

ЗА ПОЛГОДА.

Безъ доставки въ С.-Петербургъ . . . . . 4 р. — »
 Съ доставкою въ . . . . . 5 » — »
 Безъ доставки въ Москвѣ . . . . . 4 » 50 к.
 Для иногородныхъ. { За годовое изданіе. 4 р. 60 к. } 5 р.
 { За пересылку . . . . . 40 » }
 { За упаковку . . . . . }
 { За 1/2 годовое изданіе. 2 р. 30 к. }
 { За пересылку . . . . . 30 » }
 { За упаковку . . . . . } 2 р. 60 к.

Безъ доставки въ С.-Петербургъ . . . . . 2 р. — »
 Съ доставкою въ . . . . . 2 » 50 к.
 Безъ доставки въ Москвѣ . . . . . 2 » 25 »
 Для иногородныхъ. { За 1/2 годовое изданіе. 2 р. 30 к. }
 { За пересылку . . . . . 30 » }
 { За упаковку . . . . . } 2 р. 60 к.

Объявленія принимаются по 10 к. строка пята. Особые приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А.Ф. Маркъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26. Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Вёръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

МОСКВА И ТВЕРЬ.

Историческая повѣсть.

(Продолженіе).

IV.

Въ Москвѣ.

божгла землю кровь Михайлова — паромъ обернулася она, праведная, и понеслася высоко въ синь небесную.

Спрашивало небо синее, спрашивали облака ходячія:—куда ты несешься, тонкій парь? о чемъ молишь ты, кровь горячая?

О томъ я прошу, о томъ я молюсь, чтобы стала по прежнему Святая Русь. Что бы стала она вольной землей; никому бы она не кланялась, никакой бы Ордѣ не покорялась. Не было бъ свары промежъ русскихъ князей, не было бы ссоры промежъ русскихъ людей — все земли русскія одною бы стали.

Много я, душа, за землю русскую молилася, много объ ней старалася, много за нее убивалася. Стояла я, душа, за русскій народъ, стояла я за тверской княжескій родъ, думала, тверичами станется, родомъ тверскимъ нашимъ сбудется.

Взговорили тутъ вѣтры могучіе, взговорили тутъ тучи громовыя:—ой ты-гой еси, душа праведна, ой ты-гой, душа Михайлова! Вѣдь у рода твоего у племени нѣтъ головъ на то, нѣтъ и силушки. А есть головы, есть и силушка у московскихъ князей у Даниловичей.

Отвѣчала тутъ душа праведная: — коль у нихъ есть умъ, чтобы Русь спасти, отъ татарина и отъ литвина,

отъ нѣмца со шведомъ; коль они родную мать Русь христіанскую въ выручъ выручатъ, въ одно составятъ, вольнымъ царствомъ поставятъ;—да будетъ надъ Даниловичами не то что мое всемъ ихъ противъ меня винамъ прощеніе, но на все ихъ начинанья и похощенья благословеніе!..

Повидавшись съ Узбекомъ, выкупивши у Узбека русскій полонъ, Юрій Даниловичъ въ тотъ же день распорядился во-первыхъ взятіемъ подъ стражу всехъ бывшихъ въ Ордѣ тверичей, какъ купцовъ, такъ и бояръ, а затѣмъ отвозомъ тѣла—зарѣзаннаго его людьми тверскаго великаго князя Михаила Ярославича. Оставить тѣло это въ Ордѣ — значило бы собирать около него толпу русскихъ, возбуждать толки, сожалѣнія, напоминать всемъ и каждому о скверномъ дѣлѣ, на которое онъ былъ вынужденъ изъ личныхъ и родовыхъ расчетовъ. Надо было сбыть куда-нибудь это тѣло, надо было позаботиться объ немъ, тѣмъ болѣе что самъ хвастливый Кавгадый упрекнулъ его: «почто оно тако повержено наго лежитъ, на поруганіе всемъ? Возьми его и вези въ свою землю и погреби его въ его отчинѣ по вашему обычаю».

Юрій велѣлъ своимъ отрокамъ взять тѣло, положить на доску и покрыть. Затѣмъ его положили на телегу, крѣпко обвязали веревками и повезли за рѣку Аджъ. Двое отроковъ сторожили тѣло, по приказу Юрія; но тутъ-то и началось именно то, чего онъ никакъ не ожидалъ.

Воротились отроки утромъ — тѣла на доскѣ не было, а доска съ веревками лежала въ телегѣ. Тѣло нашлось въ сторонѣ, поодаль отъ телеги. Оно лежало раной къ землѣ; крови изъ раны много изошло. Правая рука была подъ щекой, лѣвая рану — изъ которой сердце было вырѣзано — придерживала. Звѣрья около Дербента множество водится: шакалъ, волкъ, леопардъ тамъ никому не диковина — но звѣрь тѣла не тронулъ.

Отроки удивились этому чуду, но еще болѣе удивились они, когда и христіане и нехристіане заявили имъ, что видятъ надъ тѣломъ Михаила два сходящихся и расходящихся облака, сіяющихъ будто солнце.

Юрій поблѣднѣлъ отъ бѣшенства, когда ему донесли объ этихъ страшныхъ происшествіяхъ. «Гдѣ у васъ глаза?!» закричалъ онъ на бояръ и на отроковъ: «не видите вы что-ли, чьихъ рукъ это дѣло?! Перековать всѣхъ тверичей съ кунцами ихъ! Товары тверскихъ купцовъ на царя беру! Чтобы ни одинъ *шуканъ-ряпушникъ* *) по своей волѣ не ходилъ. А тѣло супостата моего — прости ему, Господи, согрѣшенія его! — везти на Русь спѣшно, прямо къ брату моему, къ господину Ивану Даниловичу въ Москву, въ столичный нашъ городъ».

Въ тотъ же день была исполнена воля всемогущаго Великаго Князя Всея Руси. Новые отроки были посланы за рѣку Аджь везти тѣло на Русь — это были слуги того закала, которыми окружалъ себя ни передъ чѣмъ не останавливавшійся Юрій. Юрій шелъ къ своимъ цѣлямъ не разбирая путей, а чтобы дорогу ему не загоразивали, онъ держалъ при себѣ человекъ двадцать отъявленныхъ головорѣзовъ, подъ скромнымъ тогдашнимъ названіемъ *отроковъ* — молодцовъ, ребятъ, парней гладкихъ.

На рѣкѣ Кумѣ стоялъ тогда торговый городъ Маджары, по русски Маджары или Мошарыкь **). Въ Маджарахъ были русскіе рабы и гости (т. е. наѣзжіе купцы); узнавъ, чей трупъ везутъ московскіе отроки, они задумали отдать убиенному долгъ христіанскій, поставить тѣло въ церковь, покрыть плащаницею — но слуги вѣрныя Юрія Даниловича строго держались его наказа. Мало было унижить Тверь въ Ордѣ, всюду нужно было глумиться на нею, указать, что она ничтожество, а что одна на Руси сила — Москва. Москва и Тверь — Берлинъ и Вѣна того времени.

Тѣло поставили въ хлѣвъ — и маджарскіе люди видѣли ночью столбъ огненный отъ земли до небеси. Другіе маджарцы столба этого не видали, за то видѣли какую то дугу небесную преклоняющуюся къ хлѣву, гдѣ тѣло лежало.

Повезли тѣло къ Бездежу-городу. Какъ подъѣзжать отрокамъ къ Бездежу съ тѣломъ, такъ и стало казаться бездежскимъ жителямъ, что около саней множество народа со свѣчами, или на коняхъ съ фонарями, по воздуху носятся.

Привезли тѣло въ Бездежь, поставили его не въ церкви, а на дворѣ. Двое сторожевыхъ завалились спать на сани, на тѣло, — отроки Юрьевы были народъ не мнительный — но на нихъ напалъ безотчетный страхъ; какая то невѣдомая сила вдругъ скинула ихъ съ саней на далекое растояніе.

Событія эти записаны въ лѣтопись со словъ маджарскихъ очевидцевъ и бездежскихъ священниковъ.

*) Кличка тверичамъ.

***) Рубруквисъ видѣлъ тамъ маджаровъ — *maduag* — маджаръ и *meserakъ*, какъ извѣстно, слово одно и то же.

Затѣмъ тѣло везли по русскимъ городамъ, провезли въ Москву, и положилъ его богобоязненный братъ Юрій великій князь московскій Иванъ Даниловичъ — прозванный за свое скопидомство Калитой (кошелемъ), — въ монастырь, въ церкви Преображенія Господня.

Въ Твери покуда ничего не знали.

Иванъ Даниловичъ перехватывалъ на дорогѣ всякія вѣсти.

Солнце ярко блестѣло на небѣ. Ярко сіялъ блескъ этотъ на землѣ и на крышахъ двора московскаго великаго князя Ивана Даниловича; а дворъ этотъ стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь построены кремлевскій дворецъ, и занималъ почти тоже самое пространство. Княжескія хоромы были саженъ десять въ длину, двухъ-ярусныя, построенныя изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ — изъ такихъ толстыхъ, какія, въ настоящее время, подъ Москвою уже давнымъ давно не водятся. Крыша была сдѣлана изразцовая изъ нѣмецкихъ черепицъ, привозившихся чрезъ Новгородъ, — и въ солнечный день, блистала и золотомъ и изумрудомъ и сафиромъ. На углахъ крыши высоко высились надъ хорами рѣзные, деревянные коньки, очень похожіе на шахматныя фигуры, а морды у нихъ были вызолочены, а сами они были убиты мѣдными гвоздями. Такіе же долгоязыые коньки, только попроще, высились на каменномъ жилищѣ зданіи, какъ остатки язычества, по которому коньки съ головой на крышѣ — символъ бога вѣтра Стрибога — предохраняли противъ громоваго удара. Подъ крышей и на крышѣ тянулись деревянные узорчатые полотенца, также позолоченныя и посеребренныя, росписанныя разными цвѣтами, преимущественно ярко-синимъ, ярко-краснымъ и «ярко-зеленымъ». Рѣзба была тонкая, негрубая. Какъ покойный Великій Князь Данило Александровичъ, такъ и сынъ его Иванъ Даниловичъ были люди расчетливые, домостроители и хозяева, которые сорить деньгами не любили, но за то если что покупали и заказывали, то обыкновенно придерживались правила: дорого да мило, дешево да гнило. Окна, на полуторѣ сажени вышиною отъ земли, были украшены рѣзьбами, а также разноцвѣтными красками, закрывались тяжелыми желѣзными ставнями.

Съ подъѣзда высокое, широкое крыльцо, на которомъ могло помѣститься человекъ до двадцати, вело во внутренность хоромъ, а надъ входною створною дверью былъ вѣзанъ въ косякъ мѣдный золоченый крестъ. Въ широкихъ сѣняхъ стояли лавки. На лавкахъ лежало красное сукно. Полъ былъ устланъ чистыми половиками, иконы сіяли въ углу, а предъ ними теплились неугасаемыя лампы и свѣчи изъ воску велико княжескихъ пасекъ. Тутъ же у стѣны висѣли мѣдные рукомойники съ узорчатыми ручками. Въ старину люди были опрятные и ничего не дѣлали, не всплеснувъ рукъ. Это постоянное мытье рукъ стало выводится у насъ только современъ Петра Великаго, въ подражаніе неразборчивому Западу. Въ воздухѣ пахло ромашкою, мятою, ладономъ....

Низкія двери съ высокимъ порогомъ вели изъ широкихъ сѣней направо на половину великаго князя, гдѣ въ первой комнатѣ удобно вмѣщалось человекъ до пятидесяти; она была убрана какъ сѣни съ ярко-вычурною рѣзью на окнахъ и на потолкѣ, съ такими же иконами. Тутъ засѣдали бояре, когда великому князю нужно было собрать ихъ на думу. За этою Думою была комната поменьше, съ печью и лежанкою, гдѣ, за дубовымъ столомъ подъ иконами, покойный Данила Алек-

сандровичъ, а теперь Иванъ Даниловичъ, бесѣдовали запросто объ разныхъ дѣлахъ съ послами прѣзжими, съ боярами, съ родными. Еще была такая же комната съ такою же лежанкою, за ней еще такая же, а тамъ, въ самомъ углу зданія, помѣщалась молельня. Уголъ былъ занятъ иконами родовыми, присланными изъ Цареграда, дареными знаменитымъ тогдашнимъ иконописцемъ и главою русской церкви — самимъ святителемъ Петромъ, Митрополитомъ Володимерскимъ, Киевскимъ и Всея Руси, другомъ и покровителемъ Ивана Даниловича. Подъ иконами стоялъ столикъ; а на столикѣ стоялъ кувшинъ со святой водой, лежали свѣчи, пеманики, крестъ съ мощами, просвиры, присылаемые князю почти изъ всѣхъ московскихъ церквей, четки, часословъ и псалтырь. Полки тянулись по стѣнамъ, уставленные книгами въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ. Книги эти по старому обычаю были повернуты корешками къ стѣнѣ, а обрѣзомъ наружу, потому что обрѣзъ обыкновенно былъ красивѣе корешка, такъ какъ онъ былъ узорный, золотой, разукрашенный, и скрѣплялся мѣдными, серебряными и золотыми застежками, съ рѣзною, дорогой и искусной работой. Все вѣяло мпромъ, благочестіемъ, тишиною; солнце дружески просвѣчивало сквозь пузырь оконъ, какъ бы жалѣя, что оно не можетъ ворваться и заглянуть во внутренность этихъ хоромъ, гдѣ все дышало мпромъ домашнимъ, дружбою государя къ подданнымъ.

Налѣво изъ сѣней двери вели въ покои, которые уже тогда стали называться теремами. Терема были и у грековъ, были точно такъ-же въ баронскихъ замкахъ западной Европы; ихъ требовалъ этикетъ XIV вѣка, ихъ вынудило самое уваженіе къ женщинамъ, такъ какъ старыя строгія формы теряли смыслъ и порождали развратъ, а плохо понимаемое христіанство было еще не сильно.

Терема были вовсе не мусульманскіе гаремы. Мужчина жилъ всегда вѣншей жизнью: онъ былъ въ думѣ, на вѣчѣ, въ бою, и ему хотѣлось своего угла, того что англичане называютъ home, куда не проникалъ бы никто посторонній. На порогъ этого святилища — заповѣднаго для грубаго, неуважающаго женщины, міра, — оставалась всякая политическая дѣятельность. Здѣсь только средневѣковый человекъ изъ князя, изъ боярина, изъ торговаго гостя дѣлался простымъ смертнымъ, отцомъ, мужемъ, и не пріятно ему было, чтобы всякій званый и не званый, всякій пришедшій къ нему по дѣлу, нарушалъ бы спокойствіе его домашняго быта: горлодерствомъ, руганью, толкованьемъ о дѣлахъ. Теремъ былъ всегда открытъ для друзей, для родныхъ и близкихъ знакомыхъ лицъ; дѣловыя, не связанныя дружбою, лица въ теремъ не допускались. Въ европейскомъ русскомъ обществѣ мало имѣютъ понятія объ этомъ умномъ и глубокочеловѣческомъ учрежденіи, выдуманномъ самими же женщинами — вѣчными и заклятыми врагами всякаго буйства, шума и непристойности. У насъ развилась жизнь за панибрата и безтолковое шлянье по гостиннымъ самымъ дома стали строиться такъ, что кабинетъ приходится рядомъ съ гостиной, гостинная подлѣ столовой, а съ боку спальная и дѣтская, такъ что непрошенный гость волей не волей посвящается въ тайны домашняго быта хозяина. Въ полномъ блескѣ терема существуютъ теперь только въ Англіи да въ Америкѣ, гдѣ гость незваный выпускается только въ parlour, т. е. приемную комнату находящуюся въ сторонѣ отъ кухни, помѣщающейся въ подвалѣ, и отъ

залы, гостиной, спальни, дѣтской, помѣщающихся въ верхнемъ этажѣ. Можно каждый день бывать въ домѣ и не видѣть семейства, не знать, что оно существуетъ, дома ли оно или дома его нѣтъ, много ли гостей бываетъ или вовсе никто не ходитъ, умеръ ли кто изъ его членовъ или родился, — и только когда подобный посетитель, friend какъ называютъ его англичане, сдѣлался particular friend хозяина, только тогда вводится онъ въ завѣтныя комнаты, отдѣланныя въ десятеро лучше parlour. Когда только послѣ долгаго знакомства убѣдился семейство, что онъ дѣйствительно человекъ хорошей и подходящей, — можетъ онъ быть въ домѣ во всякое время, когда ему вздумается. Небывавшій въ Англіи можетъ посмотрѣть на теремъ въ любомъ английскомъ романѣ.

Двери налѣво вели въ такую же большую комнату какъ и думная. Тутъ иконы были роскошнѣе, столы были увѣшаны дорогими рушниками, дорогими соболями, дорогимъ оружіемъ. Скамьи были покрыты китайскими и персидскими коврами, а на коврахъ лежали вышитыя шелками подушки, данныя въ приданое княгинѣ Оленѣ Кириловнѣ. Тутъ же стоялъ огромный дубовый раздвижной столъ, покрытый полотняною скатертью, а скатерть была разшита по краямъ красными и синими нитками, изображавшими птицъ, цвѣты, богатырей на коняхъ. Тутъ лежалъ на серебряномъ блюдѣ всегда свѣжій коровай хлѣба, а подлѣ него ножъ. Серебряная солонка, вычурный липовый жбанъ съ медомъ, кувшинъ съ квасомъ, каменная бутылъ съ греческимъ виномъ. По сторонамъ тянулись полки греческой, нѣмецкой, китайской посуды, — все сіяло, блестяло. Еще дверь вела въ комнату не имѣвшую опредѣленнаго назначенія, но съ широкой лежанкой. Далѣе шла небольшая спальная, гдѣ стояла дубовая дорогая кровать; но перины и подушки въ XIV вѣкѣ еще не взбивались сплошною горою, какъ впоследствии; — тогда спали низко, на тоненькой перинѣ, а подъ ней лежали всегда сноны — знакъ плодородія; на столбикахъ соболя висѣли — символъ богатства; а въ божницѣ, на ночь задвигавшейся занавѣской, сіяли и горѣли иконы въ дорогихъ окладахъ. За спальною шла дѣтская, за дѣтской рядъ дѣвичьихъ (frauenhaus), гдѣ сѣнныя дѣвушки, говоря по теперешнему фрейлейны, сидѣли за вышивкою и за пѣснями. Онѣ обшивали княжескій домъ, съ дѣтьми княжескими болтали, грусть тоску княгини Олены Кириловны разгоняли, а порой..... но порой и на западъ и на востокъ всюду всяко бывало; отъ Терема до Гарема шагъ никогда далеко не былъ. Далѣе въ другомъ флигелѣ, соединяемомъ съ этимъ галлереею на точеныхъ столбахъ, помѣщалась кухня и дворня, гдѣ жили отроки. Тутъ же были пристроены отдѣльныя избы для дворецкаго, для тиуна княжескаго, для главнаго повара и т. д., цѣлый лабиринтъ маленькихъ придворныхъ или — какъ ихъ уже тогда называли — дворецанъ. Затѣмъ шли конюшни, хлѣва, разнаго рода клѣти и сѣновалы, погреба и ледники — словомъ все что и досель попадаетъ во всякомъ богатомъ помѣщичьемъ домѣ.

— Авдотья, а Авдотья!.. кричала спальная дѣвушка (камеръ-фрейлейна) великой княгини, Марьяшка, перебѣгая дворъ босикомъ по снѣгу и влетая съ пчесанными волосами въ хлѣвъ.

— Авдотья, Авдотья! говорила она коровницѣ, —

долго ли мнѣ это еще придется ругаться? Съешь ты меня, окаанная.

— Ну, чего еще тамъ?

— Да Бога ты не боисься! говорила Марьюшка, чуть не плача.—Ужъ я ли не хвалила тебя княгинѣ, а вотъ такъ опростоволосилась сегодня изъ-за тебя...

— Да ты толкомъ говори! что случилось, что вышло?

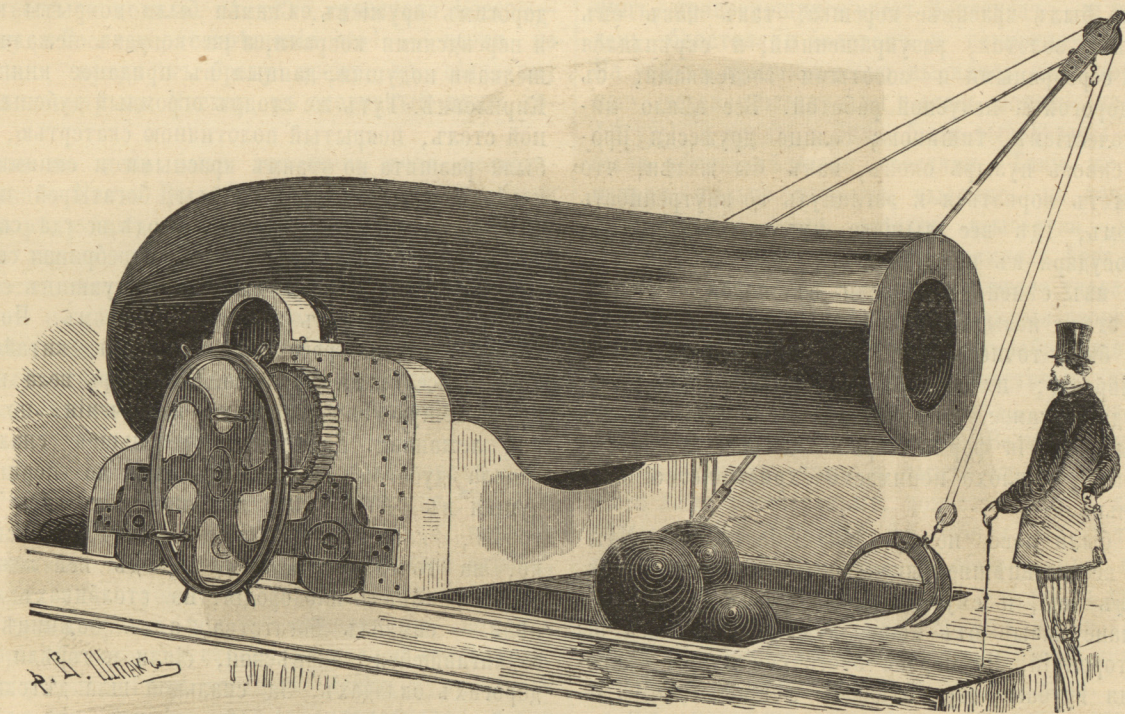
— Да какъ же! одѣвала я княгиню, а князь входитъ да и говоритъ: «что это, говорить, мать моя Олена Кириловна, не по русски у насъ дѣлается: у коровы, говорить, въ хлѣву, у бурой, вымя не мыто».

Авдотья развела руками, пожала плечами и плюнула.

— Какой пакостникъ, а! а еще князь! какой же онъ князь? хуже всякой бабы. Ну скажите вы, добрые люди, ну мужское ли это дѣло—по хлѣвамъ ходить смотрѣть, чисто ли вымя у коровы? Она развела ру-

тройка саней съ росписанными дугами. Сани были такъ какъ и теремные розвальни окрашены желтою краскою, размаеваны синими цвѣтами съ золотыми листьями; серединка цвѣтовъ была золотая, жилки на лепесткахъ были серебряныя. Сѣруа была убрана мѣдными бляхами, съ саней коверъ висѣлъ. На саняхъ сидѣлъ человекъ, закутанный въ огромную соболью шубу.

— Кто бы это могъ быть? говорили женщины. Между тѣмъ, на дворѣ былъ шумъ отъ бубенчиковъ и оттого, что со всѣхъ сторонъ вышли къ крыльцу видимо не видимо, точно ошеломленные и изумленные, княжескіе отроки, которые брали подъ устцы лошадей, и скидывая шапки, кла ялись въ ноги пріѣзжему. Дворецкій выбѣжалъ тоже въ испугѣ, тоже безъ шапки, брякнулся съ размаху въ ноги пріѣзжему и тутъ же подошелъ подъ благословеніе. Дверь хоромъ растворилась. Поспѣшно, безъ шубы, безъ шапки, въ лег-

ВСЕРОССИЙСКАЯ МАНОФАКТУРНАЯ ВЫСТАВКА.
Пушка-Великанъ (ядро 28 пудовъ). (Рисоваль В. Шпакъ, гравир. на деревѣ К. Крегеръ).

ками и оглядѣлась кругомъ, точно кругомъ стояли не коровы а люди.

— Да ужъ мужское не мужское, да что ты съ нимъ подѣлаешь? таковъ человекъ. Онъ до всего доходитъ. На дняхъ въ поварню забрался. Ну, ужъ пушилъ онъ пушилъ дворецкого—и хотя бы за что—за глиняную чашку! «Со свѣту, говорить, тебя сживу! чашекъ, говорить, много бьется!» а дюжину такихъ чашекъ всего за одно куриное яйцо можно на торгу вымѣнять.

— Экъ скаредный, а еще князь! говорила Авдотья:— да сказать бы кому нибудь у насъ на селѣ, да глаза заплюютъ.

— Да ужъ ты какъ тамъ хочешь, а только меня не подводи, не то княгиня станетъ сердчать; а княгиня будетъ сердчать—мнѣ лучше живемъ въ гробъ лечь.

— Тыфу, окаанный, говорила Авдотья, — а еще князь!

— Глянь кто-то подѣхалъ, вскрикнула вдругъ Марьюшка.

Объ обернулись и выглянули изъ хлѣва. Катила комъ зеленомъ кафтанѣ съ отгидными рукавами, въ башмакахъ на босую ногу, выбѣжалъ великій князь. Проворно сбѣжалъ съ лѣстницы, поклонился въ ноги, подошелъ подъ благосл. веніе и сталъ высаживать пріѣзжаго изъ саней.—Это былъ самъ Митрополитъ Владимірскій и Всея Руси, святитель Петръ, пріѣхавшій къ князю изъ Владиміра. Великій князь повелъ святителя на крыльцо, съ низкимъ поклономъ, поддерживая его подъ правую руку и догадываясь, что должно быть и на этотъ разъ святитель по смиренію своему запретилъ на заставѣ повѣщать объ немъ, чтобъ его благовѣстомъ и крестомъ не встрѣчали.

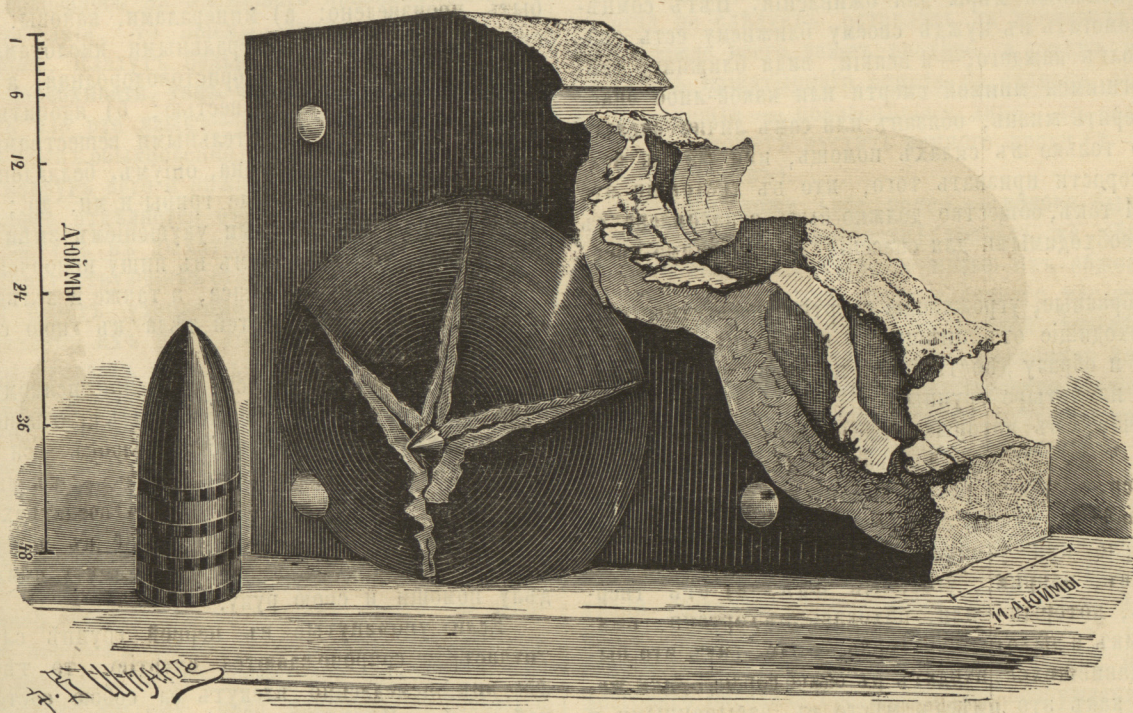
— Томило, сказалъ князь дворецкому, —бѣги къ княгинѣ, вели баню не топить; коней поставить... да, впрочемъ, тебя учить нечего; знаешь, какой гость.

Томило только головой встряхнулъ, въ два три слова отдалъ какія то распоряженія отрокамъ, и все засуетилось. Сани отѣхали въ сторону, лошадей отпрягли,

провели по двору, увели въ конюшни, безъ мѣры овса и ячменя насыпали, возчика куда то увели, положили новые сани и поскакали на встрѣчу къ свитѣ. Въ одномъ углу двора повалилъ густой дымъ изъ бани, съ Москвы рѣки бѣжали бабы съ водою; ключникъ отмыкалъ погребъ и выкладывалъ на латокъ свѣжую, соленую, копченую и всякую рыбу, тащилъ на поварню связки грибовъ сушеныхъ и чашки моченыхъ, соленыхъ, моченую бруснику, всякія сушенныя ягоды, — словомъ, видно было, что обѣдъ будетъ не мясной, какъ слѣдовало бы на святкахъ. Святитель вошелъ на крыльцо, перекрестился, въ сѣняхъ положилъ три земныхъ поклона, поклонился хозяину и выскочившей въ попыхахъ княгинѣ съ дѣтьми, при чемъ у маленькаго трехлѣтняго Ивана оказалась въ рукахъ игрушка, — мамка силилась отнять, Иванъ разревелся, но его всетаки заставили сдѣлать три земныхъ поклона митрополиту;

слали ему въ его покой серебряный тазъ съ серебрянымъ кувшиномъ помыться; перины вынули изъ кладовой, новыя наволочки надѣвали на подушки, соръ подмели, оставшійся отъ соломы и сѣнной трухи нанесенной съ узлами, а тѣмъ временемъ на дворъ въѣзжали сани со свитою архипастыря. Въ числѣ этой свиты былъ архимандритъ томскаго монастыря и владимірскій соборный протоіерей, отроки святителя возились съ мѣшками, съ ларями и съ дорожною поварней. Тѣмъ разводилъ гостей по избамъ; архимандритъ и протоіерей размѣщались у князя. Въ то же время въ ворота княжескаго двора одинъ за другимъ, въѣзжали именитые бояре московскіе: старый Родіонъ Нестеровичъ, Андрей Кобыла, Александръ ихайловичъ, молодой Кочева, протопопъ Архангельскаго собора, — словомъ, вся знать этого города, такъ невольнo сдѣлавшагося столицею отдѣльнаго великаго княжества, боровшагося не на жизнь а на

ВСЕРОССИЙСКАЯ МАНУФАКТУРНАЯ ВЫСТАВКА.
Панцирная броня. (Рисоваль В. Шлакъ; гравир. на деревѣ К. Крегеръ).

тотъ благословилъ его, поднялъ, поцѣловалъ и вынулъ ему изъ кармана гостинецъ, безъ котораго и безъ подарка добрый святитель не прѣзжалъ ни въ одинъ княжескій и боярскій домъ, а тѣмъ болѣе къ своему наперснику Ивану Даниловичу. Князь, княгиня и домашніе отроки стали его развязывать, раскутывать, снимали съ него сапоги теплые — и все это не съ подобострастіемъ, а съ тѣмъ вниманіемъ, которое люди оказываютъ истинно дорогому, истинно почетному гостю. Оставшись въ камлавтѣ и въ короткой мантийкѣ, святитель нѣсколько разъ прошелся по сѣнямъ и затѣмъ послѣдовалъ за хозяиномъ въ тѣ дальніе покои, которые заканчивались молельнею. Туда же притащилъ узлы его изъ сѣней послушникъ и писецъ, молодой дьяконъ Парфеній, который въ минуту прѣзда никѣмъ даже замѣченъ не былъ, такъ неожиданно явился въ Москвѣ Митрополитъ Всея Руси. Отроки бѣжали, дьяконъ развязывалъ узлы. Князь и княгиня давали распоряженіе, по-

смерть съ двумя другими также не вольными государствами, Тверскимъ и Рязанскимъ.

Пріодѣвшисъ святитель облекся въ ризы и въ присутствіи князя, княгини, бояръ, вмѣстѣ съ архимандритомъ томскимъ, съ владимірскими и московскими протопопами отслужилъ торжественный и благодарственный молебень, далъ приклоняться къ кресту и окропилъ ихъ святою водою. Въ теремѣ была уже приготовлена закуска изъ горячаго и изъ холоднаго. Столъ если не ломался подъ блюдами, то все таки такъ былъ заставленъ ими, что нужно было много челоуѣкъ, чтобы сдвинуть его съ мѣста. Владыко благословилъ питіе и яства, сѣлъ безъ особаго сопротивленія въ красный уголь. На широкомъ благодушномъ лицѣ Ивана Даниловича, которому тогда было всего лѣтъ тридцать пять, было что то неладно. Бояре также сидѣли не то чтобы не весело, а какъ то пригидывались веселыми; слышалась во всемъ какая-

то натяжка, точно было что-то не высказанное, точно черная кошка пробѣжала между святителемъ и московскимъ великимъ княземъ съ его хитрыми московскими боярами,—но за трапезой на радостяхъ считалось неприличнымъ говорить о дѣлѣ. А дѣло было такого рода, что на дняхъ привезено было въ Москву тѣло Михаила Ярославича—и не въ Тверь было отослано, потому-дѣ, что нельзя, по смиренію, по Кормчей, идти противъ воли старшаго брата Великаго

Князя всея Руси Юрія Даниловича, коль-же паче потому, что въ Твери—епископъ Андрей старый врагъ и обидчикъ Петра митрополита;—по просту сказать, Ивану Даниловичу и московскимъ боярамъ это было не съ руки. Тѣло Михайлово было у нихъ—не отдавать же его тверичамъ даромъ.

В. Кельсіевъ.

(Продол. кеніе будетъ).

РѢЪ УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ

ВЪ СКОРОПОСТИЖНЫХЪ И НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ.

Несчастные случаи могутъ по разнымъ причинамъ обусловить смерть, а также и вызвать состояніе мнимой смерти. При этомъ часто бываетъ трудно различить тотчасъ же оба эти состоянія, а потому и не всегда принимаются должныя мѣры для оживленія. Нѣтъ сомнѣнія, что помогать въ нуждѣ своему ближнему есть священный долгъ каждаго,—и всякій, видя ближняго своего подвергшимся мнимой смерти или какой-либо опасности потерять жизнь, обязанъ или самъ лично оказать ему какую только въ силахъ помощь, или же въ возможной скорости призвать того, кто въ состояніи это сдѣлать. И такъ, общество должно быть ознакомлено съ мѣрами, необходимыми для спасенія жизни мнимо-умершаго.

Разнообразные, угрожающіе смертію, несчастные случаи (происходящіе отъ внѣшнихъ поводовъ), по своимъ причинамъ и образу дѣйствія ихъ на тѣло, могутъ быть раздѣлены на четыре группы:

I. Случаи, въ которыхъ предстоитъ опасность задохнуться, т. е. они останавливаютъ дѣятельность легкихъ и препятствуютъ равномерному дыханію. Это можетъ произойти: а) отъ вступленія жидкости въ дыхательное горло при утопаніи; б) отъ удушливыхъ газовъ, каковы, наприм., угольный чадъ; в) отъ твердыхъ тѣлъ, которыя—или, находясь въ гортани, сжимаютъ кадыкъ и дыхательное горло,—или, какъ это бываетъ у подавившихся, входятъ въ самое горло,—или же, наконецъ, какъ это имѣетъ мѣсто съ засыпанными и удушенными, затрудняютъ извнѣ доступъ воздуха; г) отъ повѣшенія и удавленія.

II. Случаи, порожденные избыткомъ, а также и недостаткомъ необходимой для тѣла жизненной возбудительности; при этомъ — то стихіи своими физическими свойствами дѣйствуютъ вредно на тѣло, то оно страдаетъ отъ случайнаго недостатка въ пищѣ. Мы упомянемъ здѣсь: а) недостатокъ необходимой теплоты, оцѣпенѣніе отъ продрогнута на дождѣ и отъ другихъ причинъ, и замерзаніе; б) избытокъ теплоты отъ утомленія усиленною ходьбою по солнпеку, отъ солнечнаго удара и отъ различныхъ (по протяженію и глубинѣ) обжоговъ; в) внезапный, вслѣдствіе сильнаго раздраженія нервной системы, параличъ тѣла или отдѣльной его части, какъ это бываетъ при пораженіи молніею; г) истощеніе отъ голода и жажды.

III. Случаи, вызываемые механическимъ воздѣйствіемъ твердыхъ тѣлъ, рѣжущихъ орудій, толчкомъ, давленіемъ и паденіемъ. Эти случаи разсматриваются, какъ тѣлесныя поврежденія, къ которымъ относятся пораненія, передомы костей, вывихи, ушибы и размозженія.

IV. Если же тѣло подвергается разрушительному дѣйствію внѣшнихъ вліаній химическаго свойства, поражающихъ его поверхность или внутренность (собственно желудокъ), то это называется отравленіемъ. Оно можетъ быть произведено: а) минералами, каковы: мышьякъ, свинецъ, фосфоръ; минеральными кислотами, каковы: сѣрная, селитряная и хлористоводородная, а также щелокомъ и негашеною известью; б) ядовитыми растеніями и такими же растительными веществами, каковы, наприм.: ченлингъ, бѣлена, опиумъ, белладонна, наперстянка, а также ядовитые грибы и ми. др.; в) животными ядами, сообщаемыми укушеніемъ змѣи или бѣшеной собаки, употребленіемъ въ пищу испорченнаго селезеночнымъ веществомъ мяса, а также и вслѣдствіе прикосновенія нѣжныхъ частей тѣла къ гною страдающей сапомъ лошади.

Само собою разумѣется, что при всякомъ несчастномъ случаѣ немедленно долженъ быть приглашенъ врачъ; но такъ какъ въ большинствѣ разовъ вся опасность происходитъ отъ промедленія, и такъ какъ многія мѣры для спасенія жизни оказываются въ средствахъ каждаго разсудительнаго человѣка, то всякій въ подобныхъ обстоятельствахъ обязанъ въ ту же минуту приложить къ дѣлу помощи и свою руку.

Если упомянутые въ первой группѣ случаи и не тотчасъ же сопровождаются смертію, то тѣмъ не менѣе они немедленно влекутъ за собою состояніе мнимой смерти. Прежде всего, конечно, въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ устранить причину опасности. Такъ, *утопленника* должно положить животомъ на землю, чтобы дать возможность водѣ выскатъ изъ рта, — не слѣдуетъ, однако, ставить его для этой цѣли на голову, какъ это, къ сожалѣнію, нерѣдко дѣлается; *повѣшеннаго* первымъ дѣломъ необходимо бережно снять; *засыпаннаго* нужно осторожно отрыть и тотчасъ же очистить отъ земли носъ и ротъ; *задохшіеся въ угольномъ чадѣ*, въ *колодцахъ*, *шахтахъ* и *погребкахъ* въ возможно скоромъ времени должны быть удалены изъ мѣста опасности, или же это послѣднее немедленно должно быть провѣтрено открытіемъ дверей, оконъ и проч. При этомъ спасающіе должны подумать и о томъ, чтобы самимъ не подвергнуться опасности, такъ какъ вообще вдыханіе зараженнаго воздуха умерщвляетъ внезапно. Поэтому безусловно необходимо спускающемуся въ подобныя мѣста—обвязывать вокругъ тѣла веревку, посредствомъ которой его тотчасъ можно было бы вытащить назадъ. Если же имѣется подъ рукою длинная кожаная или гуттаперчевая трубка, то одинъ конецъ ея прикрѣпляютъ у рта спускающагося, чтобы посредствомъ ея онъ могъ вдыхать здоровый воздухъ. Вторая задача

при несчастныхъ случаяхъ заключается въ восстановленіи дыханія, и попытки съ этою цѣлію должны продолжаться непрерывно до тѣхъ поръ, пока не наступитъ полная окоченѣлость, около шести часовъ времени. Возстановленіе дыханія производится слѣдующимъ образомъ. Послѣ того, какъ грудь, шея и животъ подвергнутся несчастному случаю освобождены отъ стѣсняющей ихъ одежды, его кладутъ на животъ, подъ грудь помещаютъ свернутый изъ одежды валекъ (около шести дюймовъ въ діаметрѣ) и производятъ на спину тихое но сильное давленіе. При этомъ вода (если то — утопленникъ) и воздухъ (если — задохшійся человѣкъ) вытѣсняются изъ груди. Черезъ нѣсколько секундъ поворачиваютъ тѣло на бокъ, и даже больше, а затѣмъ снова быстро опрокидываютъ на животъ. Посредствомъ этихъ поворачиваній на бокъ поднимаются ребра, расширяется грудная клѣтка, и легкія становятся способными втянуть въ себя воздухъ. Переворачиваютъ такимъ образомъ тѣло до 15 разъ въ минуту. Если въ теченіе 5 минутъ не показалось ни малѣйшаго признака самопроизвольнаго дыханія, то приемы измѣняются слѣдующимъ образомъ. Кладутъ больного верхнею частію тѣла на покатую поверхность, такъ чтобы голова была выше, вытягиваютъ изо рта языкъ — и въ такомъ положеніи укрѣпляютъ языкъ обыкновенно посредствомъ узла, крѣпко затянутого вокругъ него и нижней челюсти. Этимъ способомъ язычекъ отдѣляется отъ кадыка, и воздуху открывается доступъ въ дыхательное горло. Теперь кто-нибудь изъ присутствующихъ становится позади изголовья на колѣни, беретъ утопленника за обѣ руки повыше локтя, подымаетъ ихъ надъ головою, и сильно но потихоньку вытягиваетъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ; затѣмъ отводятъ руки по сторонамъ и производятъ на грудь спокойное давленіе. Посредствомъ перваго движенія — расширяется грудная клѣтка, и втягивается воздухъ; а при послѣднемъ — грудь сдавливается, и воздухъ вытѣсняется. Эти манипуляціи повторяютъ десять разъ въ минуту и продолжаютъ около четверти часа. Если же и тутъ не получается никакого результата, то снова обращаются къ первому опыту, не освобождая уже впрочемъ языка, — и такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ поочередно переходятъ отъ одного способа къ другому, пока наконецъ не добьются успѣха, или же пока не наступитъ полное охлажденіе тѣла и труповая окоченѣлость. Когда же появятся тихія дыхательныя движенія — время помочь развитію въ тѣлѣ тепла и кровообращенія посредствомъ натиранія вверхъ рукъ и ногъ суконой, щеткою и т. п., закутать больного въ одѣяло, перенести на постель и положить теплыя бутылки къ ногамъ и подъ ложечку. По мѣрѣ увеличенія признаковъ возвращающейся жизни. больному вливаютъ въ ротъ теплой воды съ виномъ съ кофеемъ или чаемъ. Засыпаннымъ и задохшимся, сверхъ того, можно еще поливать почаще голову холодной водой. Этимъ послѣднимъ, а также и повѣсившимся, пока у нихъ лицо красное, человѣкъ со спаровкою можетъ открыть кровь. Всѣ другія средства вспоможенія людьми непосвященными должны быть оставлены въ сторонѣ.

У *замерзшихъ* прежде всего слѣдуетъ высвободить окоченѣвшіе члены; при этомъ одежду разрѣзаютъ и совершенно удаляютъ отъ тѣла. Больного ни въ какомъ случаѣ не вносятъ въ теплую комнату, а кладутъ на снѣгу и сильно трутъ не переставая снѣгомъ, или обертываютъ въ холстину, смоченную въ холодной водѣ.

Если тѣло сдѣлается отъ этого гибче, то берутъ для тренія теплую воду. Затѣмъ кладутъ больного въ холодную постель въ нетопленной комнатѣ, покрываютъ его шерстянымъ одѣяломъ и начинаютъ надъ нимъ выше описанные приемы для возбужденія дыханія, которые до сего времени были бы безполезны. Такимъ путемъ часто удавалось спасать жизнь людямъ, уже много часовъ оставшимся въ окоченѣломъ состояніи. Этого не слѣдуетъ забывать.

Пораженнаго молніею переносятъ въ холодную комнату, въ лѣсъ или въ кусты, гдѣ бы онъ былъ защищенъ отъ лучей солнца, производятъ тамъ надъ нимъ вышеуказанные опыты возбужденія дыханія, и сильно поливаютъ или спрыскиваютъ его холодною водою. Бывшее прежде въ употребленіи зарываніе всего тѣла пораженнаго (кромѣ головы) въ землю — уже помимо того что въ такомъ случаѣ невозможно ни поливать его холодною водою, ни производить попытки возстановленія дыханія, — прямо вредно еще и по другимъ причинамъ.

Пьяныхъ, дошедшихъ до состоянія мнимой смерти, никогда не слѣдуетъ оставлять на произволъ судьбы. Имъ прежде всего даютъ рвотное, а затѣмъ питье изъ 68 капель нашатырнаго спирта на стаканъ воды. Если же у пациента — покрасѣвшее лицо, то человѣкъ съ спаровкою можетъ пустить немного крови (1 — 1½ кофейныхъ чашекъ).

Обжоги кожи (все равно — какова бы ни была степень ихъ вредности) тотчасъ же обыкновенно смазываются общеизвѣстною мазью отъ обжоговъ, состоящею изъ равныхъ частей льнянаго масла и известковой воды и получаемую въ каждой аптекѣ; затѣмъ обожженные части обкладываютъ постоянно свѣжею ватой. Хвалитъ также еще одно средство — немедленное посыпаніе поврежденныхъ мѣстъ пульверизированнымъ (т. е. мельчайшимъ) угольнымъ порошкомъ.

Суда по даннымъ изъ послѣдней войны, *солнечный ударъ* ни комъ образомъ не зависитъ, какъ это думали прежде, отъ переполненія мозга кровью вслѣдствіе дѣйствія лучей солнца на голову. Симптомы болѣзни состоятъ въ пораженіи всей мозговой дѣятельности, которое или наступаетъ мгновенно, или развивается постепенно. Въ послѣднемъ случаѣ признакамъ мозговаго паралича предшествуютъ возбужденное состояніе, горячешный бредъ и другіе симптомы мозговаго раздраженія. Теперь убѣдились, что (въ нашемъ, по крайней мѣрѣ, поясѣ) одного дѣйствія горячихъ лучей солнца недостаточно для того, чтобы вызвать подобныя опасныя случаи; что имъ большею частію подвергаются только люди, принужденные работать до утомленія на необыкновенномъ солнечномъ жару, — особенно же, если при этомъ они вслѣдствіе недостатка въ пищѣ недовольно выпотѣвали. Тутъ-то именно наступаетъ раздраженіе тѣла, возбужденіе собственной теплоты до такой степени, при которой становится невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе жизни. При этомъ тотчасъ же кладутъ на голову пузырь со льдомъ или влажные компрессы, продержанные предварительно подъ оловянную тарелкою со льдомъ и солью до тѣхъ поръ, пока не сдѣлались совершенно холодными. Затѣмъ употребляютъ холодное промывательное изъ мыльной воды. Далѣе даютъ больному раздражающія ножныя ванны изъ холодной воды съ значительною примѣсью горчицы въ порошокъ, или древесной золы и соли. Все это дѣлается до прибытія врача, который въ подобныхъ серьезныхъ случаяхъ долженъ быть приглашенъ немедленно.

Война:—Выступление германских войскъ изъ Париза.
(Урв. Ф. Доминдлеръ).

При *тѣлесныхъ поврежденіяхъ* отъ вѣшнихъ причинъ большаго во многихъ случаяхъ приходится перенести съ одного мѣста на другое. Это производится лучше всего при помощи носилокъ, при чемъ нужно только позаботиться о томъ, чтобы поврежденная часть была уложена по возможности спокойно и безъ боли. Кровотеченіе стараются удержать посредствомъ холодныхъ примочекъ, умѣреннаго давленія и повязкою носовымъ платкомъ. Если кровь идетъ изъ раны одною струею, то до прибытія врача ее можно остановить, надавивъ отверстіе раны пальцемъ. Общее же правило при всѣхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ — пользоваться больными до прибытія врача холодными примочками. Пишущій эти строки былъ однажды свидѣтелемъ примѣненія крестьянами очень практичнаго способа остановить самое сильное кровотеченіе. Одинъ здоровый парень упалъ сверху въ лѣсопильную машину, и та тотчасъ же оторвала ему лѣвую ногу ниже икры. Кровь естественно сію же минуту страшною массою ринулась изъ этого обрубка. Крестьяне, между тѣмъ, собрали изъ

всѣхъ стойлъ и угловъ большое количество паутины и обложили ею ампутированное мѣсто ноги. Какъ только паутина всосалась въ рану, страшное кровотеченіе остановилось. Больнаго положили въ телегу и отвезли за 42 версты въ ближайшій госпиталь, гдѣ эти добрые люди обратились къ врачу съ наивною просьбою о томъ, нельзя ли было привезенную ими еще въ сапогѣ отрубленную часть ноги пришить къ своему мѣсту. Имъ, какъ и слѣдовало, дали понять, что можно, конечно, пришить отрубленную часть ноги, но что она ни коимъ образомъ не прирастетъ снова, а потому несчастный долженъ позаботиться пріобрѣтеніемъ искусственной деревянной ноги. Повѣся голову, удалились добрые люди, сердечно простившись съ своимъ товарищемъ и сунувши ему въ карманъ — каждый по своему достатку — одну или двѣ копѣйки.

Общія же правила ухода за больными отъ отравленія мы сообщимъ нашимъ читателямъ въ слѣдующей статьѣ.

Д-ръ Ф. Гезеллюсъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ РѢДКОСТЬ.

ПО ПОВОДУ ЖЕНСКАГО ВОПРОСА.

Читателямъ *Нивы* вѣроятно не безызвѣстно надѣлавшее у насъ столько шума сочиненіе Дж. С. Милля *The Subjection of women*; но они можетъ быть не знаютъ, чтоза долго до этого писателя существовала въ Россіи книга подъ заглавіемъ *о благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола*, напоминающая отчасти содержаніемъ своимъ названное сочиненіе англійскаго философа.

Ничто не ново подъ луною!

Книга *о благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола* напечатана была въ Петербургѣ въ 1784 году. Она написана по всѣмъ правиламъ хриі; авторъ приводитъ доказательства, какъ и слѣдуетъ, «отъ имени, отъ порядка творенія, отъ мѣста, отъ вещества... отъ благочестія, отъ человѣческихъ законовъ» и пр. (стр. 80), и всѣ эти указанія тщательно отмѣчены на поляхъ, дабы всякій могъ по первому взгляду убѣдиться, что всѣхъ доказательствъ арсеналъ исчерпанъ, что все въ порядкѣ и что слѣдовательно отъ автора нельзя ничего болѣе требовать.

«Преблагій и всемогущій Богъ, — такъ начинается книжка, — творецъ мужскаго и женскаго пола, съ благотворнымъ ихъ плодородіемъ, сотворилъ человѣка себѣ подобнаго, — какъ мужа, такъ и жену». Онъ вложилъ въ нихъ одинаково совершенную и бессмертную душу, но за тѣмъ «женскій знаменитый родъ превосходитъ суровыхъ мужчинъ безконечно» (2). Въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ приводитъ прежде всего доказательства отъ имени; онъ говоритъ: «*Адамъ* значитъ *Землю*, напротивъ *Ева* — *жизнь* знаменуетъ. Чего ради сколько самая жизнь Земли превосходитъ, столько жена должна быть предпочтена мужу» (3), — а какъ извѣстно «производимыя изъ имянъ доказательства какъ у богослововъ такъ и юрисконсультовъ почитаются за весьма важныя» (3). Притомъ «имя *жены*, поколику есть четверописанное, болѣе сходства имѣетъ съ неизрѣченнымъ (неизрѣченное имя Божіе *Иегова* (sic) по еврейски, вмѣсто котораго Іудеи выговариваютъ *Адонаі*) именемъ Бога; напротивъ того, мужское имя

женскому же ни знакомъ, ни изображеніемъ, ни чиномъ не подходитъ» (6).

Приведа нѣсколько и другихъ не менѣ могущественныхъ доказательствъ «отъ имени», авторъ обращается къ доказательствамъ «отъ порядка». Превосходство женщины въ ряду творенія явствуетъ изъ того, что она сотворена послѣднею; сотворивъ ее, Богъ опочилъ — «ибо въ ней совершилась вся премудрость и власть Создателя, сверхъ которой не находится болѣе твари, ниже выдуманно быть можетъ» (8). Женщина «введена въ чертоги ей предуготованные украшенные и во всемъ совершенные; и такъ, по достоинству ее вся тварь любить, почитать и наблюдать, и подостоинству ей вся тварь подвергается и повинуется, которая всѣхъ тварей есть владычица, также конецъ, совершеніе и глава совершенная» (9).

Тоже обнаруживается и «въ разсужденіи мѣста», гдѣ женщина сотворена. Богъ создалъ ее въ въ земномъ раѣ, а мужчину «на простомъ полѣ, съ животными и звѣрьми вмѣстѣ, а потомъ уже, для созданной жены, въ рай введенъ былъ» мужчина (10). Отсюда совершенство женской конструкціи: «когда случится тѣнуть женщинѣ вмѣстѣ съ мужчиною, не имѣя уже ни малой посторонней помощи, — она болѣе бываетъ на поверхности воды, а мужчина опускается ко дну скорѣе» (11); — а этотъ замѣчательный фактъ, говоритъ авторъ, не очевидно ли онъ доказываетъ въ свою очередь, что женщина превосходитъ мужчину «веществомъ творенія», то есть качествомъ матеріи. И точно: она сотворена изъ матеріала уже значительно обогороженнаго — изъ мужскаго ребра. Такимъ образомъ «мужъ есть естества дѣло, а жена — единственно Бога» (13).

Все предшествующее объясняетъ причину той «лѣпоты женской», которая не имѣетъ ничего себѣ равнаго и которая создана «для того дабы вся тварь ей удивлялась, любила и почитала, до того что — какъ самимъ происходило дѣломъ, — безплотные духи къ нѣкоторымъ женамъ жестокою любовію пылали» (15). Авторъ выводитъ затѣмъ длинный рядъ именъ извѣстныхъ краса-

виць, черная эти имена безразлично у христіанскихъ и языческихъ писателей, изъ библіи и изъ міеологіи, такъ что у него встрѣчаются между собою имена Даэны и Дѣвы Маріи. Не даромъ «красота женъ нетолько отъ человека, но и отъ Бога почтена много» (19). И въ самомъ дѣлѣ не находимъ ли мы въ Писаніи, что «Богъ заповѣдалъ убивать всякъ полъ мужской, и дѣтей неисключая, а повелѣлъ • сохранить однихъ женъ *прекрасныхъ*» (19)?

Кромѣ красоты женщина одарена «достоинствомъ благопристойности», которую сохраняетъ даже и послѣ смерти: «свидѣтельствуешь Плиній и само искусство (опытъ), что жена утопшая всегда ниць лицомъ сверхъ воды плаваетъ, какъ бы натура и по смерти соблюдала ихъ стыдливость; напротивъ того, мужчины вверхъ лицомъ... (20).» Стыдливости соотвѣтствуетъ и чистота: «женщина, однажды омывшись чисто, сколько послѣ ни окачивается, вода ни малой уже въ себѣ мутности не имѣетъ; мужъ же, сколько вымыть ни былъ, обыкновенно мутная и нечистая вода съ него стекаетъ» (22). Кромѣ этого феномена, едвали извѣстнаго естествоиспытателямъ, авторъ нашъ подмѣтилъ и другой не менѣе достовѣрный и столь же громко свидѣтельствующій о превосходствѣ женской природы. «Фортуна» говоритъ онъ: «сдѣлала, что ежели по случаю или неосторожности женщинѣ упасть надобно, то она обыкновенно на задъ (Sic) падаетъ, а никогда лицомъ» (22). «Фортуна» устроила этотъ феноменъ очевидно съ цѣлью доказать, что женщинѣ свойственнѣе чѣмъ мужчинамъ специально-человѣческое преимущество—смотреть на небо.

Черная свои аргументы отвсюду, нашъ авторъ ни передъ чѣмъ не останавливается, никакимъ доводомъ не брезгаетъ. По его извѣстіямъ, попеченія женщинъ не только облегчаютъ страданія больныхъ, но «молодое женское, особливо больнымъ, слабымъ и при смерти уже находящимся, дѣйствительнымъ служитъ лекарствомъ къ возвращенію жизни» (25). Далѣе нашъ почтенный авторъ предается исчисленію такихъ доказательствъ превосходства женщинъ надъ мужчинами, которыя неудобо и повторять предъ читателями настоящаго времени. Эту категорію аргументовъ онъ называетъ доказательствами отъ «свѣтскихъ преданій» и обращается послѣ нихъ къ доказательствамъ «отъ благочестія».

Онъ усматриваетъ въ Писаніи, «что ради жены благословилъ Богъ мужа, котораго (благословенія) онъ, какъ недостойный, не заслуживалъ, доколѣ жена не сотворена была» (30). Сюда нѣкоторымъ образомъ относятся кабалистическія таинства, что «Авраамъ получилъ благословеніе чрезъ жену свою Сарру отнятіемъ отъ имени жены (Sarrah) послѣдней буквы (h) и приданіемъ (ea) имени мужа (Abraham)» (31). Напротивъ того, первородный грѣхъ палъ на человѣчество но исключительной винѣ мужчины, ибо-де «мужу запрещенъ былъ плодъ отъ древа, а не женѣ» (32). Становясь все отважнѣе въ подборкѣ аргументовъ, авторъ восклицаетъ наконецъ: ошибаются тѣ, которые думаютъ возвысить мужчинъ указаніемъ, что Христосъ принялъ на себя мужской обликъ; Спаситель это сдѣлалъ, — какъ достоверно знаетъ нашъ авторъ, — дабы своимъ смиреніемъ упразднить гордость грѣха первороднаго; «вотъ почему Бого-человѣкъ воспріялъ полъ мужской, простѣйшій, а не женскій, — высочайшій и благороднѣйшій» (34). Зато не благоволилъ Онъ «быть сыномъ мужа, но жены, которую почтилъ столько, что отъ единыя жены плоть воспріялъ» (35)...

Таковы словоизвитія къ которымъ причала схоластика! Риторъ прежняго времени старался прежде всего отвсюду надергать аргументовъ, засыпать ими читателя, ошеломить ихъ обиліемъ, — а при этомъ, разумѣется, невозможна разборчивость; такъ, въ книгѣ, которая насъ занимаетъ, приводится въ пользу женщины то между прочимъ, что Дѣва Марія выше Іоанна Крестителя, что самый великій грѣшникъ Іуда—былъ мужчина, что изъ мужескаго племени долженъ явиться антихристъ, и что феникъ «по свидѣтельству Египтянъ» — самка... Всѣ эти доказательства надо было не только подобрать, но и расположить въ извѣстномъ порядкѣ, ибо, перемѣшанные или какъ нибудь иначе сгруппированные, они могли бить въ самого автора и въ защищаемую имъ мысль. Такъ наприимѣръ, доказывая неотразимую власть женщины надъ мужчинами, авторъ говоритъ: «Кто сильнѣе Самсона? но жена его крѣпость одолѣла; кто благочестивѣе Давида? однако жена и его святость поколебала»... Понятно, что такіе аргументы необходимо было обставить очень тщательно, чтобъ они не стрѣляли на своихъ.

Но кто же авторъ этой странной книги? Съ чего пришло ему въ голову возбуждать «женскій вопросъ», едва ли въ его время стоявшій на очереди? Да, книга о которой мы говоримъ, написана давненько, — въ началѣ XVI вѣка, и авторъ ея есть нѣкто Генрихъ Корнелій Агриппа, нынѣ забытый, но нѣкогда извѣстный философъ и врачъ, воинъ, педагогъ, алхимикъ и богословъ. Онъ находился при дворѣ правительницы Нидерландовъ, Маргариты Австрійской, матери Карла V, — и въ угожденіе ей, говорятъ его биографы, написалъ свое сочиненіе, что впрочемъ подтверждается и посвященіемъ этой книги Divae Margaretae Augustae Austriae reginae Burgundionum *). По этому не удивительно, что онъ понадергалъ аргументовъ въ пользу женщинъ изъ библіи и міеологіи, изъ Плинія, изъ Отцовъ церкви. Но политическую женщину, какою была Маргарита, не могло удовлетворить исчисленіе однихъ добродѣтелей и прелестей ея пола; она естественно должна была болѣе дорожить тѣми аргументами, которые говорили бы за право женщины на власть, — вообще, какъ говорятъ нынѣ «на равноправность» съ мужчинами, — и развитію этой именно мысли посвящены послѣднія страницы сочиненія Агриппы. Онъ приводитъ длинный списокъ женщинъ отмѣченныхъ исторіей—въ доказательство что «отъ естества женщины все тоже могутъ что и мужчины можно, которому бы въ рѣчахъ уступила свѣтская женщина; какой ариметикъ, хотя (желая) сдѣлать начеть неправильно въ уплатѣ долга, женщину обмануть можетъ, и какой музыкантъ въ пріятности пѣнія и голоса съ женщиною сравниться можетъ?» (63). «Въ древности, говоритъ авторъ, пригодность женщинъ ко всякому дѣлу очень хорошо понимали, какъ видно изъ различныхъ древнихъ законодательствъ; даже въ позднѣйшія времена Іустиніанъ императоръ при сочиненіи законовъ почелъ за нужное пригласить въ совѣтъ женщину» (72). — «Но какъ мужчины тиранически, въ противность божескаго права и законовъ естественныхъ, взяли верхъ, то данная женамъ свобода

*) Сколько извѣстно, это сочиненіе не было напечатано отдѣльно. Экземпляръ, который у меня передъ глазами и принадлежащій московскому Публичному музею, кажется вырванъ изъ собранія сочиненія Агриппы; на немъ находится слѣдующее заглавіе: Henrici Cornelii Agrippae, de nobilitate et praecellentia foeminei sexus, — а внизу: M. D. XXXII, mense maio.

неправедными уже законами отъемлетя, истребляется обыкновеніемъ и употребленіемъ, и воспитаніемъ вовсе погибаетъ. Ибо женскій полъ, какъ скоро рождается, то отъ первыхъ лѣтъ содержатъ его въ домѣ въ небреженіи, и какъ бы неспособну къ отправленію важнѣйшихъ дѣлъ, ни за что кромѣ иглы и нитки приниматься не позволяется. А какъ достигнетъ лѣтъ довольныхъ, предается во власть ревниваго мужа, или въ вѣчную темницу монастыря заключается. Въ народныхъ также возбраняется имъ вступать званія. Въ судахъ ходить за дѣлами, хотя бѣ была женщина и преразумная, запрещается. Сверхъ того, не допускаются въ юрисдикцію, въ посредствѣ, въ усыновленіи, въ заступленіи, въ смотрѣніи, опека и попечительствѣ, въ дѣлахъ по духовнымъ и уголовнымъ (32)*). Также возбраняется проповѣдовать слово Божіе въ противность явственнаго писанія, въ которомъ общается имъ Святыи Духъ чрезъ пророка Іоіиля, глаголющъ: «и прорекутъ дщери ваши».... «Итакъ, по силѣ сихъ законовъ женщины, какъ бы побѣждены будучи войною, уступать должны побѣдителямъ не по естественной или сверхъ - естественной какой нуждѣ или причинѣ, но по обыкновенію, воспитанію, фортунѣ и насильственному нѣкоему случаю. Кромѣ того, есть нѣкоторые, которые отъ самаго благочестія власть себѣ надъ женами выводятъ и изъ священнаго писанія доказываютъ свою тиранию, у коихъ всегда оное проклятiе Еввы въ устахъ обращается: «подъ властію будещи мужа, и той да обладаетъ тобою». Ежели же имъ въ отвѣтъ сказано будетъ, что Христосъ отъялъ то проклятiе, то они приведутъ паки изъ словъ

апостола Петра, съ коимъ согласутся и Павелъ: «жены мужамъ да повинуются».... Но искусный схоластъ имѣетъ возраженія и противъ такого авторитета.

Что касается до русскаго перевода, то онъ напечатанъ въ 1784 году въ типографіи Академіи наукъ и даже «иждивеніемъ» Академіи.... И такъ, наша достоуважаемая Академія агитировала нѣкогда въ пользу «эмансипаціи женщинъ»? Чтѣ удивительнаго: она состояла въ 1784 году надъ предѣдательствомъ княгини Дашковой, а на престолѣ сидѣла тогда Екатерина! Русскій текстъ сочиненія Агриппы оканчивается слѣдующими словами переводчика:

«Для насъ Россіянъ довольно одного безпримѣрнаго примѣра благословенныя въ порфиросныхъ женахъ великія по всему Екатерины II, такъ какъ для жителей вселенныя одинаго (достаточно) дневнаго свѣтила. Ея душевныя и тѣлесныя дарованія столь превосходны предъ царями земными, какъ солнечное въ сравненіи звѣздъ сіяніе, и сравнитъя только могутъ съ ея къ Россіи благодѣянiями».

Русскій переводчикъ De nobilitate есть извѣстный Петръ Алексѣевъ, протоіерей московскаго Архангельскаго Собора и членъ Россійской Академіи,—тотъ, любопытныя извѣстія коего о моровой язвѣ въ Москвѣ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1863 года; имя его выставлено на нѣкоторыхъ экземплярахъ его перевода*), который нынѣ составляетъ библиографическую рѣдкость и еще Сопиковымъ отмѣченъ «очень рѣдкимъ».

П. Щебальскій.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ ВЪ РИМѢ.

(Отрывокъ изъ недавно-вышедшей книги „Италія“ Фернштейна).

Я смотрѣлъ Колизей, въ которомъ древній Римъ задавалъ своему народу такія величественныя зрѣлища, и захотѣлось мнѣ, ради контраста, посѣтить современный римскій театръ. Мимо Пантеона, исполинскій портикъ котораго уже почти 19 вѣковъ смѣется надъ разрушительной силой времени, и стоитъ, внушая благоговѣніе и собираясь простоять вѣроятно еще не одно тысячелѣтіе,—я направился къ «Piazza Navona», громаднѣйшей площади и овощному рынку всего Рима, на которомъ нѣкогда происходили конскія скачки (equiria при императорахъ), и на которомъ теперь, среди трехъ фонтановъ, двухъ церквей, одного обелиска, нѣсколькихъ палаццо и множества весьма некрасивыхъ домовъ, кипитъ настоящая народная жизнь. Тутъ-то помѣщается одинъ изъ римскихъ народныхъ театровъ — «Teatro Agonale», драматическое заведеніе, дающее ежедневно три представленія, а въ воскресеніе такъ даже четыре. На этотъ разъ давали «Il terribile colpo di mezzanotte» («Ужасный полуночный часъ») драму и «Pierot finto statua» («Пьеро, притворившійся статуей») пантомиму. Первое представленіе только что кончилось, второе должно было начаться. Одни зрители валили изъ театра, другіе стремились имъ на встрѣчу; выходила такая суматоха, толкотня, колыханіе толпы, которое можно сравнить развѣ съ столкновеніемъ многоводнаго Vorderrhein, у Сплюген-

ской дороги, съ дико бушующимъ Hinterrhein, сбѣгающимъ съ Бернардино. Благополучно добравшись до кассы, я, чтобы не уронить своего достоинства, взялъ билетъ въ балконъ, и заплатилъ 6 су, тогда какъ входъ въ партеръ стоитъ всего 4 су. Билетъ, значитъ, былъ у меня, но войти не было возможности. Если волна врывающагося народа поднимала меня и приносила почти на порогъ, на встрѣчу перла другая волна и выносила меня обратно, далеко на середину площади. Силы мои начинали уже слабѣть въ этой борьбѣ со стихіями—вдругъ замѣтили меня зуавы, стоявшіе на часахъ у входа и старавшіеся, насколько было возможности, поддерживать порядокъ. Узнали ли они по лицу моему, что я — signor forestière, т. е. иностранецъ, и затронуло ли это обстоятельство въ душѣ ихъ человѣчную струну сочувствія (такъ какъ и они, вѣдь, всѣ тоже forestieri: французы, бельгіицы, нѣмцы, испанцы, даже американцы), только, въ минуту, когда я опять очутился близко ко входу, двое изъ нихъ подскочили ко мнѣ съ ружьями и штыками, подхватили меня подъ обѣ руки, направо и налево щедро раздавая пинки прикладами, и съ криками «дайте дорогу!» счастливо довели меня подъ портикъ: тамъ я вскарабкался на маленькую лѣсенку и увидѣлъ себя на балконѣ (palchettone), и помѣстился на пе-

*) Надо не забывать, что объ этихъ ограниченіяхъ женскихъ правъ пишетъ Фламанецъ, а не Русскій, который могъ бы замѣтить, что русское законодательство несравненно либеральнѣе въ этомъ отношеніи западно-европейскихъ.

*) Въ библиотекѣ Московскаго Публичнаго музея имѣется два экземпляра О благородствѣ и преим. женс. пола, принадлежащіе къ одному изданію, но на одномъ изъ нихъ выставлено: «сія книга переведена въ Москвѣ подъ руковод. Моск. Арх. Собора прот. Петра Алексѣева», а на другомъ все нѣтъ имени переводчика.

Иллюминація въ Новочеркасскѣ 21 мая 1870 г.
 Трехсотлѣтній юбилей Донского казацкаго войска.
 (Рисов. по нар. съ наброска Олѣксандра, К. Бронъ, грав. Л. А. Сѣряковъ).

ПРАМАТА
 ЦАРЯ
 ЮННАВА
 1570

ПОКОВА
 СКАМОНА
 ЦАРЯ
 ФЕОДОРА

ПРАМАТА
 ЦАРЯ
 АЛЕКСАНДРА
 1189

ПРАМАТА
 ЦАРЯ
 ФЕОДОРА
 1189

ПРАМАТА
 ЦАРЯ
 ФЕОДОРА
 1189

КБ

редней скамейкѣ, еще пустой. Весь театр не больше комнаты въ римскомъ палаццо или танцевальной залы въ Германіи—и состоитъ только изъ партера (platea) и балкона, да двухъ авансценныхъ ложъ для почетныхъ посѣтителей. Сцена освѣщалась четырьмя лампами, а зала весьма примитивной люстрою съ четырьмя рожками. Но вотъ потокъ стремящагося наружу народа изсякъ, двери раскрываются публикѣ втораго представленія. Точно изъ растворенныхъ шлюзъ, толпа начала катить и валить въ партеръ, съ воемъ, гиканьемъ, ревомъ, свистомъ, визгомъ, прыгая черезъ скамейки, съ опасностью сломать себѣ шею—словно разломались всѣ клѣтки какого нибудь звѣрнца и на волю вырвалось все дикое полчище львовъ, тигровъ, леопардовъ, медвѣдей, гіенъ. Все больше молодые пары съ кудрявыми гривами, темными огненными глазами, безъ верхней одежды, кому же охота рисковать сюртукомъ въ такой давкѣ и бурѣ—да между ними женщины съ грудными младенцами, папские егеря и карабинеры, пьянки съ довѣренными имъ дѣтьми—и изъ этой сдавленной, идущей мѣста и воздуха, массы еще долго раздавался тотъ же ушерздитательный, оглушительный визгъ, гиканье, вой, ревъ, свистъ, какъ будто конецъ свѣта на дворѣ.

Музыкантовъ еще нѣтъ въ оркестрѣ, и юная публика, кромѣ того что потѣшается этимъ адскимъ содомомъ, начинаетъ для препровожденія времени стаскивать другъ друга со скамеекъ, или перекидывать черезъ скамейки, или бороться на античный манеръ, насколько позволяютъ пространство и обстоятельства, такъ какъ у входа опять стали зуавы съ ружьями—и одного изъ главныхъ зачинщиковъ беспорядка сейчасъ, не слишкомъ-то вѣжливо, подняли съ мѣста, сперва тщетно предваривъ его, чтобы держалъ себя смириѣе, вынесли на воздухъ и поставили на мостовую, гдѣ ему предлагается на досугъ предаться скорбнымъ размышлениямъ о своей изодранной въ клочья рубашкѣ и пропавшихъ деньгахъ за входъ.

Но вотъ понемногу наполняется и балконъ: нѣсколько новоримскихъ весталокъ и жрицъ Венеры vulgivaга, нѣсколько почтенныхъ матронъ, множество капитановъ и сержантовъ, да нѣсколько молодыхъ ремесленниковъ—таковъ составъ этой болѣе отборной публики. Наконецъ являются и музыканты. О силы небесныя—сжальтесь надъ нашими ушами! Въ этомъ маленькомъ пространствѣ двѣ офиклейды, два тромбона, двѣ трубы и два рога—вотъ оркестръ! Капельмейстеръ играетъ на офиклейдѣ и, гдѣ считаетъ нужнымъ, отбиваетъ тактъ. Начинается увертюра -- нѣчто невѣроятное, ума помрачение и мозговъ потрясеніе, предвкушеніе трубныхъ звуковъ, сзывающихъ на грозный судъ; вмѣстѣ съ crescendo музыки возрастаетъ и шумъ въ партерѣ, сквозь

волнующуюся массу протискиваются продавцы народныхъ лакомствъ, предлагаютъ печеніе и фунтики съ тыквенными сѣмечками, которые жадно раскупаются, и начинается такая грызня и щелкотня, какъ будто 10.000 бѣлокъ распоряжаются большимъ мѣшкомъ орѣховъ. Наконецъ поднимается занавѣсъ. Многоголосное «а!..» привѣтствуетъ открывшуюся сцену—и публика съ бурными аплодисментами и криками «браво, Пульчинелла!» встрѣчаетъ стереотипнаго народнаго героя, въ черной маскѣ, бѣломъ костюмѣ, остроконечной шляпѣ. Съ первыхъ же сценъ «Страшный полуночный часъ» оказывается старымъ знакомымъ.

Это—старинная оперетка «Два слова или ночь въ лѣсу», когда-то нравившаяся во Франціи и Германіи, изъ либретто которой, безъ музыки, состряпана драма со страстями. Содержаніе таковаго рода: французскій офицеръ, заблудясь въ лѣсу со своимъ слугою (Пульчинелла), заходитъ въ разбойничью гостиницу, но его спасаетъ служанка, во-время предупредивъ. Подлинникъ въ одномъ актѣ, но здѣсь онъ разработанъ въ двухъ-актную драму. Публика принимала живое участіе въ дѣйствіи; на злую хозяйку кричали изъ партера «Bestia maledetta!», и разныя не особенно лестныя выраженія сыпались на нее: но когда въ концѣ разбойники, взбѣшенные бѣгствомъ офицера, хотѣли умертвить добрую служанку, и въ эту минуту врывается офицеръ съ солдатами, убиваетъ атамана, а Пульчинелла вилою расправляется съ однимъ изъ разбойниковъ,—восторгъ зрителей дошелъ до неистовства. Весь партеръ, съ радостными криками, съ ногами забрался на скамейки, всѣ руки протянулись къ сценѣ, какъ будто каждому хотѣлось бы помочь, и совсѣхъ сторонъ только и слышно было: «Руби ихъ!—Души собакъ!—Валая его, Пульчинелла!—Вонъ тотъ еще не совсѣмъ готовъ!» и пр. Изъ послѣдней сцены, гдѣ порокъ сокрушенъ, а добродѣтель торжествуетъ и садится за столъ, не слышать было ни слова,—и занавѣсъ опустился при такомъ шумѣ, который можно представить себѣ развѣ въ сумасшедшемъ домѣ, если бы взбунтовались всѣ обитатели его. За драмой слѣдовала пантомима, съ арлекиномъ, Коломбиной, Пьерро и пр., съ избыткомъ пощечинъ, тумановъ кулаками и ногами и тому подобныхъ нѣжностей, но публика далеко не такъ интересовалась этимъ представленіемъ какъ драмой. Цѣлый часъ длилась пантомима, и во все это время офиклейды съ литаврами, трубами и рогами, подъ аккомпаниментъ содома въ партерѣ, производили такую адскую музыку, которая живо напоминала Блокбергъ и вальпургіевы ночи. Наконецъ окончилось и второе представленіе—и публика третьяго уже нетерпѣливо волновалась передъ входомъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Московскіе артисты.—Г-жа Федотова въ драмѣ «Ребенокъ».—Судъ надъ убійцами князя Аренберга.—Г. Шандоръ.

Московскіе артисты, появившіеся уже передъ петербургской публикой въ нѣкоторыхъ роляхъ, имѣли большой успѣхъ. Спектакли, въ которыхъ они участвуютъ,—собираютъ многочисленныхъ зрителей; театр въ эти дни бываетъ совершенно полонъ, и публика выражаетъ самымъ громкимъ образомъ свое довольство ихъ талантами и игрою. Г. Садовскій не былъ уже для Петербурга новинкою, и публика приняла его по этому дружно, какъ стараго знакомаго. Года мало из-

мѣнили это прекрасное дарованіе. Въ игрѣ его слышится, та же мощная, спокойная сила, отмѣчающая избржаемое лицо крупными и твердыми чертами, благодаря чему оно врѣзывается въ памяти зрителей, со всей пластичностью мраморнаго изваянія. Послѣ г-жа Садовскаго выступила на Александринской сценѣ г-жа Федотова (Познякова) въ роли Вѣрочки въ драмѣ г. Боборыкина «Ребенокъ»—роли, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ была создана г-жею Федотовой, и съ

своей стороны ее же, г-жу Федотову создала как известность, как безпорный, всеми признанный талант. Драма г. Боборыкина шла потом и в Петербургъ, съ г-жею Снитковой 3-ей въ главной роли, но успѣха не имѣла и потому давалась рѣдко. Между тѣмъ, драму эту можно считать за одно изъ лучшихъ произведеній нашей драматической литературы, несмотря на нѣкоторые ея недостатки и техническія несовершенства. Она построена на прекрасномъ замыслѣ или идеѣ: молодая дѣвушка съ глубокой и чуткой душою является ея главной героиней; вся пьеса лежитъ почти на ней одной, причемъ драма совершается не окрестъ ея, не во внѣшнемъ ходѣ событий, а въ ней самой, въ ея душевномъ мірѣ. Первое дѣйствіе застаетъ этого «ребенка» во всей привлекательности существа еще нетронутаго жизнью, наивнаго, чистаго, любящаго всѣхъ и каждаго, и можетъ быть немного болѣе другихъ любящаго (но не сознавая того) молодаго человѣка, живущаго въ ея семьѣ, въ качествѣ учителя у брата. Учитель этотъ часто съ ней бесѣдуетъ, знакомитъ ее съ миромъ искусства, съ царствомъ идей, «не знающихъ предѣла», бросаетъ въ ея воспримчивую душу первыя сѣмена развитія. Эта идиллія разрушается сразу, крупнымъ ударомъ, который посылаетъ судьба «ребенку» — смертью ея матери. Ея мать (на сценѣ это лицо и не появляется) была женщина несчастная, чужая въ собственной семьѣ. Давно уже изъ сердца мужа вытѣснила ее другая женщина, одна родственница Вѣрочки (имя «ребенка»). Воля этой женщины царитъ въ домѣ, она советамъ забрала въ свои руки усталаго, рыхлаго помѣщика, отца Вѣрочки. Ея мать покорно смирилась передъ такимъ положеніемъ дѣлъ, затаивъ горе обиды внутри себя, не жалуясь, не выдавши себя даже на смертномъ одрѣ. Вѣрочка разумѣется ничего этого не подозрѣвала, не знала, до минуты смерти матери. Но странная обстоятельство, сопровождавшая эту смерть, сначала толки, а потомъ и признанія домашнихъ открываютъ ей страшную истину, что смерть матери ложится тяжелымъ пятномъ на совѣсти ея отца, — что это онъ отравилъ, разбилъ самое дорогое ей существованіе. Она не сразу рѣшается повѣрить этой истинѣ, она допытывается, узнаетъ, мучится сомнѣніями, молитъ о правдѣ, проситъ чтобы ей сказали «одну только правду» и наконецъ рѣшается обратиться къ самому отцу. Но то, что она узнаетъ отъ него и что потомъ подтверждается словами другой женщины, которая ее любить и которой она привыкла вѣрить, поражаетъ ее еще ужаснѣе: мать ея сама была виновата, сама не безупречна передъ отцомъ... И такъ, кто правъ, кто виноватъ въ этой семейной драмѣ, не Вѣрѣ судить, но только вѣра ея въ людей и правду разбита на двухъ самыхъ дорогихъ и близкихъ для нея существахъ. И вотъ она лежитъ уже больная, когда грубыя рѣчи ея брата — пошлаго и фатоватаго мальчишки — и циническія упреки и подозрѣнія той женщины, которая теперь въ домѣ замѣнила мѣсто ея матери, на счетъ отношеній Вѣрочки къ учителю, наносятъ этому уже надломленному существу послѣдній ударъ. Ея слабый организмъ не выдерживаетъ всей этой нравственной пытки, и она умираетъ. Таковъ въ короткихъ словахъ содержаніе этой драмы. Разработано это содержаніе довольно неловко и неумѣло въ сценическомъ отношеніи (это первое драматическое произведеніе г. Боборыкина). Дѣйствія мало. Вѣрочка почти не сходитъ со сцены, и всѣ

акты полны однимъ и тѣмъ же мотивомъ, т. е. ея душевными страданіями въ ихъ различныхъ моментахъ; это произведеніе является какою то драматизированною поэмою о молодой и прекрасной душѣ, погибшей отъ соприкосновенія съ людскою испорченностью и злобою. Тѣмъ труднѣе становится задача артистки, берущей на себя исполненіе этой роли. Опасность впасть въ монотонность и плаксивость кажется почти неизбежною, а при этомъ да еще при неловкой постройкѣ драмы, также неизбежна, повидимому, должна быть и скука отъ нея для зрителей. Такъ оно и было въ Петербургѣ, отчего драма эта не имѣла успѣха на нашей сценѣ, но не такъ вышло оно при игрѣ г-жи Федотовой. Она дала такое полное и поэтическое воспроизведеніе этого образа, что за красотой его забылось все остальное — и публика неустанно и сострастно слѣдила за всѣми перипетіями пятиактныхъ страданій. Успѣхъ г-жи Федотовой былъ громаднѣе и какъ нельзя болѣе заслуженнѣе. Къ г-жѣ Федотовой мы еще вернемся, чтобы дать отчетъ объ игрѣ ея въ другихъ роляхъ, а пока замѣтимъ, что эта артистка съ внутренними творческими силами таланта соединяетъ всѣ нужныя внѣшнія условія: счастливую наружность, грацію движеній и пластичность позъ, звучный симпатичный голосъ съ какимъ то нервнымъ отбѣнкомъ и превосходную дикцію. На нашей сценѣ, бѣдной артистическими силами, г-жа Федотова — желанная и дорогая гостья.

Отъ драмъ разыгрываемыхъ на сценѣ — совершенно естествененъ переходъ къ драмамъ житейскимъ; къ числу ихъ безъ сомнѣнія надо отнести и тѣ событія, послѣднее дѣйствіе которыхъ совершается въ зданіи суда. Въ зданіи этомъ, на дняхъ, состоялся приговоръ по дѣлу объ убійствѣ князя Аренберга, такъ сильно взволновавшемъ общественное мнѣніе. Преступники осуждены на 15 лѣтъ каторжной работы. Самое дѣло это ни въ юридическомъ, ни въ психологическомъ отношеніи особеннаго интереса не представляетъ; Шишковъ и Гребенниковъ самые заурядные воры, никакими яркими качествами не отличающіеся. Но довольно любопытна одна подробность, вскрывшаяся при слѣдствіи. Сговорившись въ тюрьмѣ ограбить князя Аренберга, преступники по выходѣ изъ нея и прежде совершения поступка отправились служить молебень къ Спасителю, что въ домикѣ Петра Великаго на петербургской сторонѣ (наиболѣе чтимая въ Петербургѣ святыня), и на пути туда и обратно обсуждали задуманное ими дѣло. Какое глубокое извращеніе религіознаго чувства, хотя — увѣ! представляющее далеко не единичный, ни даже случайный фактъ. Оглянитесь кругомъ себя, присматривайтесь — и вы безпрестанно, на всякомъ шагѣ встрѣтите аналогическія явленія, хотя можетъ быть и въ менѣе рѣзкой формѣ. Насколько религіозность воспринятая человекомъ сознательно, искренно, претворенная имъ въ душѣ и ставшая для него руководительницей въ жизни и поступкахъ, почтенна и рождаетъ прекрасные явленія, — настолько формальное механическое отношеніе къ дѣлу религіи, успокоеніе на одной ея внѣшней, обрядовой сторонѣ, ведетъ къ безобразнымъ и дикимъ явленіямъ. Такая религіозность хуже отсутствія всякой вѣры въ человѣкѣ и приноситъ только вредъ, давая человеку средство къ легкимъ и дешевымъ сдѣлкамъ съ своею совѣстью. Совершилъ, положимъ, такой человекъ какую нибудь гадость; какъ бы ни былъ онъ мало развитъ и грубъ по натурѣ, но все таки почувствуетъ въ душѣ своей нѣкоторое безпокойство, совѣсть его

ВСЕРССИЙСКАЯ МАМУФАКТУРНАЯ ВЫСТАВКА.
 Главный садъ и входъ въ акваріумъ.
 (На деревѣ рис. съ натуры В. Шпакъ, грав. К. Вейерманъ).

хотя слабо но подниметь тревогу. Это могло бы послужить ему на благо, стать предостереженіемъ на будущее время, наказаніемъ за содѣянное, — могло бы повести къ желанію загладить, исправить проступокъ или преступленіе. Но у ханжи или фанатика есть подъ рукою болѣе легкое средство успокоить расходившуюся совѣсть, заставить ее замолчать: онъ механически продѣлаетъ нѣсколько церковныхъ обрядовъ, — укравши рубли, раздастъ копѣйки нищимъ и на свѣчи, наступая себѣ лобъ о каменные плиты храма — и съ спокойною душою вернется къ старому. Иначе откуда бы у тѣхъ негодаевъ, что грабятъ слабого, гнетутъ правого, живутъ всяческою неправдою, было такое ясное спокойствіе на лицѣ и миръ на душѣ, — если бы они не думали, что обманывая самихъ себя и людей, имъ удастся въ тоже время обмануть и Высшую Правду и помириться съ ней по дешевой цѣнѣ.

Что же можетъ разсѣять эту тьму невѣжества, среди которой святая правда обращается въ великую ложь, вѣра въ суевѣріе, и доброе становится подспорьемъ злumu? Конечно, ничто кромѣ просвѣщенія и развитія массъ и отдѣльныхъ личностей. Свѣту, больше свѣту — и пошатнутся мрачныя тѣни и уйдутъ, а за ними уйдетъ и то, что жило и копошилось подъ ними.

Кстати о свѣтѣ: на дняхъ, 11 мая, въ здѣшнемъ

столичномъ мировомъ сѣздѣ разбирались претензія изобрѣтателя петролейно-газового аппарата, г. Врадія къ американскому гражданину и контрагенту городского столичнаго освѣщенія, Л. Шандору, о 500 рублей награды, которую онъ многократно предлагалъ за подобное изобрѣтеніе въ своихъ публикаціяхъ и рекламахъ. Столичный мировой сѣздъ подъ предѣтельствомъ г. Неклюдова, на основаніи отчета спеціальной комиссіи Русскаго технического общества и сравнительныхъ анализовъ лабораторіи Горнаго департамента, производившихъ испытанія надъ освѣтительными снарядами гг. Врадія и Шандора, — призналъ изобрѣтеніе г. Врадія лучшимъ и постановилъ взыскать съ Шандора въ пользу Врадія 500 р. преміи и 50 р. за веденіе дѣла въ пользу повѣреннаго г. Врадія, г. Яновскаго. Послѣ прочтенія приговора о взысканіи съ Шандора 550 р. награды и судебныхъ издержекъ, г. Врадій и его повѣренный были привѣтствуемы со всѣхъ сторонъ поздравленіями и пожатіями рукъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ, наполнившихъ залу мирового сѣзда; публика, видимо была обрадована блестящимъ исходомъ этого общинтереснаго дѣла. Система освѣтительнаго аппарата г. Врадія составляетъ привилегію Товарищества освѣщенія петролейнымъ газомъ, Столыпина и комп.

О ВСЕРОССИЙСКОЙ МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ.

(Продолженіе).

Прошла недѣля со дня открытія мануфактурной выставки, а интересъ возбужденный ею въ обществѣ нисколько не уменьшился. Турникетъ *) у входа немолчно пощелкиваетъ, отмѣчая новые десятки, сотни посетителей. Послушаешь разговоры въ ресторанахъ, клубахъ, и гостинныхъ частныхъ лицъ — то и дѣло слышишь толки, разговоры и сужденія о нашемъ palais d'industrie. Въ Инженерномъ замкѣ открыты бесплатныя чтенія о главнѣйшихъ производствахъ, образцы которыхъ встрѣчаются на выставкѣ. Комиссіи экспертовъ уже принялись за свое дѣло — оцѣнку выставленныхъ предметовъ и присужденіе наградъ. Мы же на этотъ разъ постараемся ознакомить читателей съ тѣми отдѣлами выставки, которые не имѣютъ строго-промышленнаго характера.

Между экспонентами такихъ отдѣловъ первое мѣсто безспорно принадлежитъ Военному и Морскому министерствамъ — какъ по значительному пространству ими занимаемому, по изящной простотѣ и толковитости обстановки, такъ и въ особенности по значенію для Россіи (при современномъ состояніи военнаго дѣла въ прочихъ государствахъ Европы) тѣхъ предметовъ, которыми наполнены различныя отдѣленія обоихъ вѣдомствъ, — не говоря уже объ отрадномъ чувствѣ народной гордости, возбуждаемомъ въ каждомъ истинно-русскомъ человѣкѣ при этомъ наглядномъ заявленіи нашихъ силъ и средствъ на случай обороны.

Взгляните, читатель, на первый изъ прилагаемыхъ рисунковъ: это одинъ изъ образцовъ дѣятельности Морскаго министерства — громадная деревянная модель

(въ настоящую величину) чугунной, двадцати-дюймовой гладкостѣнной пушки, отлитой Пермскимъ заводомъ.

Модель поставлена (на желѣзномъ станкѣ) въ отдѣленіи вагоновъ, локомотивовъ и проч. Сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя свѣденія о самой пушкѣ, въ которой чистота работы и правильность размѣровъ доходятъ до крайняго предѣла, а также и о желѣзномъ коробчатомъ станкѣ, снабженномъ англійскимъ компрессоромъ и приготовленномъ на Воткинскомъ заводѣ. Подъемъ снарядовъ съ земли къ дулу орудія дѣлается посредствомъ желѣзнаго крана, прилаженнаго на правой станинѣ станка, — такъ какъ каждое ядро вѣситъ 28 пудовъ, а самый выгодный зарядъ — 130 фунтовъ призматическаго пороха. Компрессоръ дѣйствуетъ правильно, сильно и исправно. Зажать его настолько, чтобы откатъ послѣ выстрѣла не превосходилъ 7 футовъ, можетъ одинъ человѣкъ. Во время испытанія пушки, при извѣстномъ углѣ возвышенія оси орудія, ядро падало въ разстояніи 600 сажень.

Пушка эта назначается для монитора «Крейсеръ», который въ настоящее время строится на Галерномъ островкѣ, въ С.-Петербургѣ.

Не менѣе замѣчательны 9-ти, 8-ми и 6-ти-дюймовыя стальные нарезныя пушки Обуховскаго сталелитейнаго завода. Они также выдержали испытаніе и поставлены на станкахъ, сдѣланныхъ въ Россіи; одинъ изъ нихъ приготовленъ въ кронштадтскихъ артиллерійскихъ мастерскихъ. Обуховскій сталелитейный заводъ выставилъ сверхъ того стальные конические снаряды, дѣйствіе которыхъ можетъ разрушить самую крѣпкую броню мониторовъ, какъ это видно на второмъ изъ прилагаемыхъ рисунковъ. Онъ изображаетъ кусокъ 15-ти-дюймовой плиты, употребляемой для подобныхъ броней; но въ этомъ образцѣ, который выставленъ (въ отдѣленіи машинъ) Колпинскимъ желѣзно-прокатнымъ заводомъ,

*) Въ средней аркѣ входа поставленъ столикъ, за которымъ производится продажа билетовъ, а съ боку между нимъ и стѣною арки придѣлана крестообразная рогатка, которая поворачивается на оси, пропускаетъ по одному посетителю и въ то же время записывая его на счетной машинкѣ.

очевидна и сила сопротивления разрушительному действию снарядов: круглыя ядра врѣзываются въ броню лишь до половины своего діаметра, коническія производятъ въ бронѣ вогнутость и прорывъ съ лучистыми трещинами, но насквозь все-таки не пролетаютъ.

Что касается собственно судовъ—паровыхъ и парусныхъ, а также и коллекціи моделей ихъ, выставленной Морскимъ музеемъ, то мы поговоримъ о нихъ подробно одновременно съ помѣщеніемъ соответствующихъ рисунковъ; теперь же перейдемъ къ предметамъ вѣдомства Военнаго министерства.

До открытія выставки это вѣдомство упрекали въ томъ, что оно будто бы захватило себѣ львиную долю въ помѣщеніяхъ и такимъ образомъ стѣснило прочихъ экспонентовъ. На дѣлѣ же оказывается, что Военное министерство на собственные суммы очистило два небольшие дворика, прилегающіе къ главному зданію, заваленные снѣгомъ и соромъ, — и такимъ образомъ возникло два отдѣленія, изъ которыхъ одно назначено для полнаго педагогическаго музея, а другое для собранія предметовъ интендантскаго вѣдомства. Сказавъ уже нѣсколько словъ о послѣднемъ въ предъидущемъ номерѣ, мы займемся Педагогическимъ Отдѣломъ, который пожалуй и представляетъ собою львиную долю — но только въ томъ смыслѣ, что до сихъ поръ въ Россіи еще не бывало выставляемо такое полное, обстоятельно-составленное и систематично-расположенное собраніе наглядныхъ пособій къ изученію всѣхъ наукъ, составляющихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній военнаго вѣдомства. Нельзя не сказать большое русское спасибо русскому дѣятелю, подъ управленіемъ котораго учебныя средства образованія будущихъ воиновъ доведены до такой степени развитія и совершенства.

Противъ входа въ палатку Педагогическаго Отдѣла, по самой серединѣ ея помѣщается большой постаментъ, заставленный акваріями, терраріями и живыми растеніями, составляющими обстановку дѣтскихъ комнатъ въ военныхъ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеній того же вѣдомства. Особенно замѣчательнъ акварій устроенный по мысли преподавателя К. Сентъ-Илера для 2-ой Петербургской военной гимназіи. Размѣръ его весьма значительный въ длину, въ ширину имѣетъ всего 4 вершка, отчего слой воды въ немъ съ этой стороны чрезвычайно прозраченъ и позволяетъ слѣдить за содержащимися тамъ животными даже въ увеличительное стекло. Растенія весьма хорошо растутъ въ немъ. Изъ терраріевъ особенно удобны и общедоступны по своей дешевизнѣ (1 — 25 коп. штука) маленькіе жестяные—для наблюденія за жизнью небольшихъ животныхъ. Растенія, которыми обставленъ постаментъ, не требуютъ мудренаго ухода или могутъ быть разводимы самими воспитанниками. Лѣтомъ въ лагерѣ ихъ пересаживаютъ въ грунтъ. Часть стѣнъ палатки увѣшана образцами изъ коллекціи картинъ, которыя украшаютъ комнаты воспитанниковъ и вмѣстѣ служатъ къ развитію въ дѣтяхъ эстетическаго вкуса (каковы старыя французскія гравюры древнеисторическаго содержанія и гравюра съ картины Каульбаха) или пособіемъ при изученіи нѣкоторыхъ наукъ (*народы Россіи* Паули и коллекція естественно-историческихъ рисунковъ).

Чрезвычайно интересно собраніе образовательныхъ игръ и занятій для дѣтей, доказывающее просвѣщенную заботливость наставниковъ военнаго вѣдомства о томъ, чтобы и часы досуга воспитанниковъ проводи-

лись съ удовольствіемъ и пользою. Дары Фребеля и прекрасныя матеріалы для дѣтскихъ занятій, изготовляемые П. Ольхинымъ въ С.-Петербургѣ, сообщаютъ Педагогическому Отдѣлу трогательный характеръ семейственности и какъ бы родительскихъ попеченій о вѣранныхъ питомцахъ. Дѣтскіе сады Фребеля слишкомъ извѣстны для того чтобы распространяться объ нихъ на этихъ страницахъ. Изъ произведеній же г. Ольхина намъ особенно понравились: проволочныя работы съ пробками, посредствомъ которыхъ можно подражать многимъ предметамъ общегіи, работы изъ бумаги, ящикъ съ матеріалами, инструментами и формами для отливки снимковъ и статуетокъ изъ гипса, лѣпка изъ глины, приборы для рисованія, фотографіи и для безопасныхъ химическихъ опытовъ. Сверхъ того выставлено множество гимнастическихъ аппаратовъ и предметовъ для игръ на вольномъ воздухѣ, столь важныхъ для развитія здоровья и тѣлесной силы юношей.

Таковъ подготовительный курсъ Педагогическаго Отдѣла, если включить въ него обширную бібліотеку начальной школы. Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ разсмотрѣть въ подробности тѣ гимнастическія и прогимнастическія пособия, которыхъ легкій обзоръ мы представили въ предъидущемъ номерѣ «Нивы». Можно сказать лишь вообще, что Военное министерство, такъ много потрудившееся на пользу образованія нижнихъ чиновъ арміи (чему между прочимъ есть доказательства и на выставкѣ), не щадило никакихъ средствъ для подготовленія будущихъ начальниковъ. Цѣль выставки педагогическихъ предметовъ заключается въ томъ, чтобы ознакомить посѣтителей съ тѣмъ, что сдѣлано до сихъ поръ по этой отрасли, а также и доставить возможность промышленникамъ воспроизводить все потребное для практическихъ, наглядныхъ пособій къ изученію той или другой науки, наконецъ—удешевить самое производство учебныхъ пособій. Последняя цѣль блистательно достигнута уже и въ настоящее время; — такъ, напр., минералогическія коллекціи, стоящія 200 руб., обходятся военнo-учебнымъ заведеніямъ по 25 руб.; гипсовые собранія кристалловъ приобрѣтаются въ мастерской г. Гейзера по 6 руб., тогда какъ деревянныя стоятъ 100 руб. Нельзя не пожелать дальнѣйшаго успѣха такому началу.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ мы поговоримъ о другомъ отдѣлѣ Военнаго министерства—Обществѣ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, и приложимъ въ высшей степени интересныя изображенія конныхъ литверъ и ручныхъ повозочекъ для отправки раненыхъ на перевязочный пунктъ.

Теперь же скажемъ нѣсколько словъ по поводу большаго рисунка, изображающаго центральный садъ и входъ въ акварій съ пристроеннымъ къ нему фонтаномъ. Вокругъ него на заднемъ планѣ высятся легкія очертанія тѣхъ деревянныхъ фронтоновъ Главнаго Отдѣла, о которыхъ мы упоминали въ предъидущемъ номерѣ нашего журнала. Рѣзба коньковъ, сквозныя деревянные полотенца, подзоры—все это запечатлѣно чисторусскимъ вкусомъ. Папель и куртины уставлены красивыми растеніями, а также и вершина сталактитоваго грота надъ аквариемъ. Что же касается самаго акварија или, вѣрнѣе, нѣсколькихъ его отдѣленій, расположенныхъ подъ землею, то открытіе ихъ послѣдуетъ 24 мая въ воскресенье. Они будутъ освѣщаться газомъ (по всей вѣроятности, аппаратами г. Бутримовича), и громадныя стекла ихъ уже теперь общають представлять не мало крупныхъ диковинокъ посѣтителямъ вы-

ставки. Въ обширныхъ и пока еще мрачныхъ подземельяхъ размѣщаются меньшіе акваріи и терраріи частныхъ лицъ, бьютъ водометы и каскады. Въ отдѣлѣ морскихъ акваріевъ у входа въ залу находится большой террарій. Выходъ же будетъ въ концѣ подземной галлерей въ саду, расположенномъ при террасѣ ресторана г. Танти. Какъ слышно, рыбъ для акваріума припасено до 63 породъ, преимущественно выписанныхъ изъ за границы. Весьма будетъ жаль, если предприниматели акварія не успѣютъ приобрести русскихъ породъ и ознакомить публику съ превосходными экземплярами доставляемыми Каспійскимъ рыболовствомъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить и за то, что въ ожиданіи осуществленія мысли Московскаго Общества Любителей Естествознанія—устроить обширный морской акварій по образцу Берлинскаго, посѣтители выставки могутъ ознакомиться съ этими стеклянными водоемами, снимающими печать тайны со дна морскаго, подобно

тому какъ стеклянные улы разрѣшали трудную задачу наблюденія надъ нравами и работой ихъ трудолюбивыхъ обитателей. Въ большомъ залѣ акварія будетъ еще устроенъ бассейнъ для тюленей и самыхъ крупныхъ рыбъ. Словомъ, все это обѣщаетъ много и много удовольствія посѣтителямъ выставки.

Къ сожалѣнію, за входъ въ акварій надо будетъ платить особо, такъ же какъ и за осмотръ гидравлическаго бассейна г. Вейде, въ которомъ уже начались его опыты,—а равно и за посѣщеніе Отдѣла русскихъ художественныхъ древностей. Но за то цѣна входныхъ билетовъ на выставку постепенно понижается и дойдетъ до минимума—10 копѣекъ. Быть можетъ распорядители найдутъ средства допустить недостаточныхъ людей безъ добавочной платы и въ три заповѣдныя отдѣленія. Этою *pia desideria* мы на этотъ разъ закончимъ нашъ отчетъ.

(Продолженіе будетъ).

СМѢСЬ.

Римская чиччата.—Жестокія народныя забавы далеко еще не перевелись, даже въ нашъ «просвѣщенный» девятнадцатый вѣкъ. Невозможно сказать даже въ видѣ предположенія, перестанутъ ли, и когда, англичане находить удовольствіе въ пѣтушьемъ бою и боксѣ, испанцы въ боѣ быковъ, а римляне въ чиччатѣ. Что такое собственно чиччата (*cicciata*), и что это за слово? спросятъ многіе. Слова этого не найти ни въ одномъ словарѣ; его производятъ отъ слова *ciccia*, на римскомъ простонародномъ нарѣчій—мясо, стало быть можно бы перевести его бойня. Подробности этаго ужаснаго боя—люди, близко знакомые съ нравами нѣсколько дикихъ обитателей Транстевера, описываютъ слѣдующимъ образомъ. Собираются приятели въ trattorio; когда выпьютъ лишнее и болѣе обыкновеннаго разгорячатся, случается что который нибудь поднимется и предлагаетъ устроить чиччату. Тѣ которые не чувствуютъ охоты принять участіе въ этомъ адскомъ увеселеніи—поспѣшно уходятъ, иной разъ даютъ пожалуй знать хозяину о томъ, что затѣяно. Хозяинъ старается отговорить сумасбродовъ, но посредничество это обыкновенно ни къ чему не ведетъ или кончается тѣмъ, что хозяйина выталкиваютъ за дверь и приступаютъ къ нужнымъ приготовлениямъ, которыя заключаются въ томъ, что окна и двери тщательно заставляются барикадами, чтобы не помѣшала потѣхѣ полиція, еслибы паче чаянія завернула. Принявъ эту предосторожность, опредѣляется сколько времени должна продолжаться чиччата. Обыкновенно условливаются такъ, чтобы при первомъ звонѣ колокола ближайшей церкви сражающіеся разошлись. Прежде чѣмъ начать, они набожно цѣлуютъ натѣльный крестъ, образокъ или ладонку и обращаются въ краткой молитвѣ къ мадоннѣ. Тогда подается знакъ... лампа гасится... въ ту же минуту пріятель яростно бросается на пріятеля, съ высоко занесеннымъ ножомъ, потому что цѣль «потѣхи» ни болѣе ни менѣе, какъ распоротъ другъ другу живота. Во время сраженія господствуетъ страшная тишина. Не слышать ни крика ни жалобы—только изрѣдко раздается сдержанный стонъ, или бряцаніе двухъ клинковъ, которые, встрѣчаясь, мечутъ искры, чѣмъ однимъ на секунду озаряется мракъ. Бой этотъ ведется, при всемъ безобразіи своемъ, по нѣкоторымъ извѣстнымъ правиламъ. Такъ, напримѣръ, участвующимъ не дозволяется произнести ни одного слова, чтобы ни у кого, по окончаніи сраженія, не осталось чувства ненависти или желанія мести, и чтобы нельзя было узнать по голосу пріятеля, которому собираешься нанести смертельный ударъ. Удары постоянно должны быть направляемы противъ живота, а не противъ лица—по ужасной, возмутительной причинѣ, а именно чтобы ножъ отъ столкновенія съ костью не попортился! Если ножъ

вонзается до черенка, его должно вынимать; переворачивать его въ ранѣ запрещается, какъ запрещается еще сваливать другъ друга съ ногъ. Наконецъ, каждому изъ участвующихъ дозволяется отказаться отъ боя когда угодно—для этого достаточно отойти въ уголъ и лечь на полъ.

Странный обычай.—Въ Бухарестѣ, каждый годъ въ Юрьевъ день, передъ кабаками низшаго сорта привѣшиваются вѣсы, на которыхъ хозяинъ вѣшаетъ своихъ завсегдатаевъ. Того кто больше всѣхъ пополнилъ, а слѣдовательно и потяжелѣлъ въ теченіе года, весь день даромъ угощаютъ на счетъ похудаившихъ въ тотъ же годъ.

Еще новая мода.—Въ Англіи послѣднее время вошло въ моду хромать. Извѣстно, что прекрасная, всѣми любимая принцесса уэльская, Александра, вслѣдствіе недавней болѣзни все еще слегка прихрамываетъ,—и англійскія дамы вздумали доказывать ей свою преданность и участіе искусственнымъ подражаніемъ ея печальному недугу. Съ этой цѣлью одна ботинка дѣлается безъ каблука; другая, напротивъ, съ очень высокимъ каблукомъ,—и производимую этимъ хромоту называютъ походкой *à la Alexandra*.

Глазная вода.—«Моя глазная вода дѣлаетъ такія чудеса, какъ ни одна», говорилъ какой-то шарлатанъ одному старому фермеру.—«Подите вы съ своей глазной водой», отвѣчалъ тотъ: «никогда ей не дѣлать такихъ чудесъ, какъ слезы моей жены. Вотъ настоящая глазная вода—насмотрѣлся!»

Занятные спутники.—Разсказываютъ, что два господина, англичане, три дня сряду ѣхали вмѣстѣ въ почтовой каретѣ, и во все это время не сказали другъ съ другомъ ни одного слова. На четвертое утро одинъ изъ нихъ рискнулъ замѣтить, что погода славная.—«Ктожь говорилъ что не славная?» пробурчалъ ему въ отвѣтъ его спутникъ—и все.

Содержаніе: Москва и Тверь. Историческая повѣсть. В. И. Кельсѣва. (Продолженіе).—Объ уходѣ за больными въ скоростипныхъ и несчастныхъ случаяхъ. Дра Ф. Гезелюса.—Библиографическая рѣдкость (по поводу женскаго вопроса) П. К. Щебальскаго.—Народный театръ въ Римѣ (отрывокъ изъ недавно-вышедшей книги «Италія» Бернштейна).—Фельетонъ.—Всероссійская мануфактурная выставка (съ тремя рисунками).—Смѣсь.

Редакторъ В. Клюшниковъ.